ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ-ЦУНАМИ

Анна Ольховская

Увези меня на лимузине!

Анна Ольховская

Увези меня на лимузине!

Серия «Папарацци идет по следу», книга 6

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=264202
Увези меня на лимузине!: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-38544-7

Аннотация

У Анны Лощининой, покинутой из-за грязного навета обожаемым мужем – суперзвездой шоу-биза Алексеем Майоровым, родилась дочь Ника. Неземная любовь родителей и звездные гены сделали свое дело: крошка оказалась индиго – она способна поддерживать ментальную связь с отцом. И весьма кстати! Ведь Анна даже не знает, что происходит с любимым, ей известно только одно: рядом с ним коварная стерва – Ирина Гайдамак. Именно эта гиена на пару с любовником подстроила аварию, после которой Алексей лежит в коме. Злобную парочку лишили сна и покоя миллионы Майорова. Гайдамак готова расшибиться в лепешку, пойти на любую гнусность, лишь бы только обнулить майоровские счета. Она собирается забеременеть от Алексея, а потом стрясти со

«счастливого папашки» кучу денег. Но в ее коварные планы вмешивается малышка Ника…

Содержание

Пролог 5
Часть I 9
Глава 1 9
Глава 2 18
Глава 3 27
Глава 4 36
Глава 5 44
Глава 6 52
Глава 7 60
Глава 8 68
Глава 9 76
Глава 10 84
Глава 11 92
Часть II 100
Глава 12 100
Глава 13 109
Конец ознакомительного фрагмента. 110

Анна Ольховская
Увези меня на лимузине!

Пролог

Аппаратура пищала, потрескивала и пульсировала разноцветными огоньками. Очень хотелось бы, конечно, принять все это великолепие за молодежную дискотеку в курятнике, устроенную для цыплят-пискунов, если бы не одно «но».

«Но» при ближайшем рассмотрении оказалось вовсе не цыпленком, а мертвенно-бледным, едва различимым под многочисленными повязками мужчиной, ставшим центром паутины проводов, капельниц и прочих медицинских приспособлений. В незакрытые бинтами поверхности тела жадно впились иголки и катетеры разных размеров и конструкций. Пощадили только лицо, да и то лишь по одной простой причине – вены подходящей не было, иначе иголки торчали бы и из носа. Но без дыхательных трубок не обошлось.

И не надо было быть семи пядей во лбу… Впрочем, семь пядей – это к инопланетянам, именно лоб размером с казан для плова отличает их от жителей Земли. Так что семь пядей и голова в форме лампочки нам не нужна. Будем проще – не требовалось специального медицинского образования, чтобы понять: человек, лежащий в окружении неимоверно-

го количества всевозможного медицинского оборудования, плох, очень плох.

Заострившиеся черты лица, восковые кисти рук, загипсованные ноги на вытяжках, мерно сопящий аппарат искусственного дыхания и прочий страх оптимизма не внушали.

Стоявший у кровати мужчины врач еще раз просмотрел показатели давления и пульса, удрученно покачал головой и повернулся к медсестре:

– Оля, будете дежурить здесь постоянно, глаз с больного не спускайте. Если понадобится выйти, позовите кого-нибудь подменить. Он очень плох, я вообще не знаю, почему он еще жив. Травмы, полученные им, считаются несовместимыми с жизнью. Но он борется, и мы поможем, сделаем все возможное и невозможное.

– Ну конечно, Петр Семенович, – девушка с сочувствием посмотрела на пациента, – я все поняла. Ой, как же мне его жалко! Я ведь его так люблю! Я на все новые его программы хожу, все диски покупаю! Когда узнала, что он разбился, так плакала! Ведь вначале сообщили, что он погиб. А потом прихожу на работу и – вот он! Да я ни минуточки его без присмотра не оставлю, да я…

– Оленька, спокойнее, – доктор снял очки и протер их краем зеленой пижамы, подобные пижамы давно заменили привычные белые халаты медицинского персонала больниц. – Особо радоваться пока нечему, пациент в коме. И когда он придет в сознание, да и придет ли вообще – известно одному

Богу.

– Он вернется, Петр Семенович, он обязательно вернется! – Медсестра погладила безжизненную руку мужчины. – Мы все этого ждем, все, кто любит его, его творчество. У больницы сотни людей собрались, многие плачут. Свечей море, некоторые молятся. Журналисты в корпус прорываются, во все дыры лезут. Наша охрана едва справлялась, хорошо, кто-то из его друзей прислал своих людей. Теперь в реанимацию никто посторонний не попадет. Но люди стоят, дежурят. Разве можно уйти, когда тебя так любят, так за тебя переживают! Он поправится, вот увидите!

– Будем надеяться, Оленька, будем надеяться, – врач тяжело вздохнул, еще раз посмотрел на не подающего признаков жизни мужчину и вышел вон.

У дверей реанимации ему навстречу поднялись сидевшие на кушетках люди: две заплаканные женщины, одна постарше, другая помоложе, бледные, с покрасневшими глазами мужчины, в руку одного из них судорожно вцепилась тоненькая девчушка с распухшим от длительного рева носом.

Пожилой мужчина, судя по выправке – военный, начал было говорить, но горло перехватило, он откашлялся и смог наконец произнести:

– Доктор, ну как он?

– Обнадеживать не стану, состояние очень тяжелое. Но он борется.

– Дядька Алька сильный, он не умрет, так нельзя! – со-

рванно выкрикнула девочка и зарыдала, уткнувшись в руку отца.

– К нему, конечно же, нельзя? – комкая платочек, робко спросила молодая женщина.

– О чем вы! – взмахнул руками врач. – Ни о каких посещениях и речи быть не может! Мы даже жену не пускаем пока, в коридоре ей кушетку поставили, она там ночует.

– Жену?! – встрепенулся мужчина, обнимавший девочку.

– Улечка приехала? – на зареванной мордашке ребенка появилась недоверчивая улыбка.

– Почему Улечка, ее зовут иначе.

– Да, доктор, мы знаем, – улыбнулась женщина с платком. – Это моя дочка ее Улечкой зовет, на самом деле она Анна.

– Странно, – врач с недоумением посмотрел на собеседников. – Она представилась Ириной.

– Что?!! Да как она посмела!

Часть I

Глава 1

Уф, как же я понимаю сейчас персонажей сказки «Три толстяка»! Если бы я ВСЮ жизнь имела такой же вес и габариты, как сейчас, я тоже была бы злой, мерзкой и противной теткой. Козни всякие строила, словно башню из кубиков. А в качестве кубиков выступали подлые, местами просто гнусные замыслы. Надо же отомстить стройному и подтянутому большинству. Ишь ты их, прыгают легкими козочками, скачут резвыми козликами, а тут передвигайся со скоростью и грацией асфальтового катка, да еще пыхтя и отдуваясь при этом. Какая, на фиг, сексапильность и женская привлекательность, просто иллюстрация к идеалу славянской женщины – босая, беременная и на кухне.

Единственное исключение – не босая. А в остальном – верно. Сижу вот, сильно беременная, на кухне, пью свежевыжатый яблочный сок и мрачно смотрю на мир.

Почему мрачно? А как еще на него, на мир, смотреть за две недели до родов? Живот огромный, дышать тяжко, дочура выросла, судя по ощущениям, крупненькая, да к тому же и вертлявая. По всем правилам вынашиваемый ребенок на таком сроке просто обязан угомониться, дисциплиниро-

ванно занять предстартовую позицию и замереть в боевой готовности, активно набирая вес и силы. Но моя малышка, в точности как и ее мамуля, чихать хотела на правила. Она крутилась и вертелась, как ей заблагорассудится, что, учитывая немаленькие размеры деточки, не добавляло мне позитива в мироощущении.

К тому же это очень беспокоило моего врача, он боялся обвития пуповины вокруг шеи ребенка.

И вообще доктор Литке, который вел мою беременность последнее время, был очень недоволен почти трехнедельным перерывом в наблюдении и все еще ворчал и бухтел по этому поводу. А заодно свирепствовал, перестраховываясь. Загрузил меня по полной программе: специальная гимнастика, витаминные уколы, посещение коллективных занятий по подготовке к родам. Даже диету специальную мне подобрал, ужаснувшись размерам моего дитяти.

А неугомонность этого дитяти вызывала у милейшего Литке нервную почесуху. Ох, ах, если так будет продолжаться, придется делать кесарево сечение, есть риск для жизни ребенка!

Славный хлопотун даже в страшном сне не смог бы увидеть, ЧТО пришлось пережить нам с дочкой за эти три пропущенные недели[1].

Ох, простите, все «я» да «я»! А кто «я», не объяснила. Позвольте представиться – Анна Лощинина, работавшая ко-

[1] Книга Анны Ольховской «Лети, звезда, на небеса!» издательства «Эксмо».

гда-то журналисткой на вольных хлебах, затем, совершенно неожиданно для себя, открывшая в себе поэтические способности. Оказалось, что я могу писать не только стихи, но и тексты песен, причем неплохие тексты. И моим творчеством заинтересовался мегазвезда российского шоу-бизнеса Алексей Майоров. Так мы с Лешкой и познакомились. Ближе и роднее человека с тех пор у меня не было, нет и не будет. На нашу с Лешкой долю выпало столько испытаний, что создатели бразильского «мыла» удавились бы от зависти. Судьба оказалась самым талантливым и изобретательным сценаристом, подбрасывая нам все новые и новые испытания.

Вот и сейчас она, судьба, никак не может угомониться, несмотря на мое весьма заметное уже положение. Вначале меня похитили, перепутав с моей подругой, Сашей Голубовской, у которой я жила в Германии. Саша, неожиданно став наследницей многомиллионного состояния, очень интересовала определенных личностей. Нет, не мафию, все было гораздо круче. За Сашей охотились типы из ЦРУ. Когда-то она совершенно случайно попала в их тайную лабораторию, расположенную в чешских горах. Над ней начали проводить чудовищные эксперименты, но Саша сумела вовремя сбежать, когда воздействие на ее организм было еще обратимым. Узнав из газет, что сбежавшая подопытная стала миллионершей, Стивен МакКормик, главный мозговой центр лаборатории и, между нами, та еще крыса, решил завершить начатое, полностью подчинив Сашу своей воле.

Обычно «отловом» подопытного материала занимался Винсент Морено, полевой агент ЦРУ, но в этот раз Винсент перепоручил операцию по «изъятию» Саши своим подручным. Я думаю, это связано с тем, что Морено явно симпатизировал моей подруге и потому не захотел лично заниматься неприятным ему делом. Подручные же его, не отличавшиеся умом и сообразительностью, умудрились нас перепутать, и в итоге в лаборатории оказалась я.

И понеслось! Налет арабских террористов на лабораторию, они забирают меня с собой, тоже приняв за Сашу. Я убегаю, успев позвонить своему знакомому, генералу ФСБ Сергею Львовичу Левандовскому. Сбежать мне помогает сторожевой пес террористов, существо, жуткое внешне и бесконечно преданное внутри, ирландский волкодав, получивший от меня имя Май. До меня его никто никогда не любил, парень не знал, что люди могут не только бить и орать.

Сбежать-то я сбежала, но по пути в город меня вызвался подвезти милый улыбчивый толстячок, оказавшийся маньяком-людоедом. И от него мне сбежать вряд ли бы удалось, поскольку предусмотрительный и хозяйственный мужичок откармливаемую жертву сажал обычно на цепь в подвале. Но и здесь на помощь пришел Май. Как пес смог меня найти – не знаю, но он спас меня дважды и, тяжело раненный, сумел привести помощь. Причем именно тех, кто меня безуспешно пытался найти: Сергея Львовича и его людей.

Меня немедленно отправили в Москву, а моим псом за-

нялись Саша и помогавший меня искать Винсент Морено. Я поправилась гораздо быстрее, а вот Май возвращался долго. Но через две недели мы с ним снова гуляли по берегу Балтийского моря, дышали свежим влажным воздухом и радовались, что мы живы.

Так что треволнения доктора Литке кажутся мне теперь просто смешными.

Я допила сок и задумчиво посмотрела на аппетитно пахнущий апельсиновый кекс. Домоправительница Саши, фрау Мюллер, печет возмутительно вкусные кексы, которые совершенно не вписываются в диету доктора Литке.

Ну и пусть не вписываются! И вообще, «вписываться» – на редкость противное слово, вызывающее вовсе не кулинарные, вкусно пахнущие ассоциации, а совсем другие, пахнущие совершенно иначе. Туалетом. Поэтому забудем про диету!

Я, воровато оглянувшись, отрезала себе кусочек выпечки. Май, валявшийся в дверях неопрятной грудой, немедленно оживился и уселся рядом, гулко стуча хвостом.

Еще бы не гулко, вон хвостяра какой! Я вот сижу на стуле, Май – на полу, а наши глаза – на одном уровне. Вывалил язычару и пыхтит мне в лицо, свинтус. Голова пса, и так не очень красивая, изуродована глубокими шрамами, один глаз почти не видит, ухо разорвано – и это все из-за меня. Кто самый лучший в мире пес? Мой Май.

Мы теперь неразлучны, зверь сопровождает меня всегда и

везде. Даже к врачу, что поначалу слегка нервировало герра Литке. Но, увидев, как Май гипсовой статуей дисциплинированно сидит у входной двери, доктор успокоился и даже стал припасать для пса что-нибудь вкусненькое.

Почему я живу у подруги? Так получилось. Еще совсем недавно, пару месяцев назад, я была счастлива. Счастлива, потому что любима. И любила. Мне несказанно повезло – я нашла свою половинку, своего единственного мужчину, для которого родилась на этот свет. Понимаю, звучит пафосно, но что делать, если это правда? Мы с Лешкой долго шли друг к другу, очень долго, но нашли, не потерялись. И почти три года были счастливы.

А когда Лешка узнал, что у нас будет ребенок!

Но… оказалось, что я, несмотря на свой не такой уж юный возраст, тридцать четыре года все-таки, по-прежнему щеголяю в розовых очках. В одночасье моя счастливая жизнь треснула и разлетелась вдребезги. Лешка, мой Лешка, которого я любила и люблю, без которого не могу дышать, поверил клевете и выкинул меня из своей жизни, словно старую тряпку. И я ушла в никуда, практически в чем была. У меня есть своя квартира, не в Москве, правда, но своя. Однако туда я не поехала, потому что хотела спрятаться ото всех. Ведь мои друзья – это и Лешкины друзья, а отвечать на бесконечные вопросы, переживая все снова и снова, я не хотела. Именно по этой причине я сменила номер телефона и сбежала к Саше.

Почему из всех друзей я выбрала ее, а не, скажем, Таньского, свою самую давнюю, самую близкую подругу, почти сестру? Наверное, потому, что Таньский счастлива, у нее прекрасный, обожающий ее муж, очаровательные двойняшки, и они с мужем – наши общие с Лешкой друзья. Таньский немедленно рванет устраивать разборки с Лешкой, Хали, ее муж, попытается поговорить с ним по-мужски, а я этого не хочу. Лешка предал меня, и на этом ВСЕ.

Саша Голубовская, пережившая недавно разрыв с мужем, оказавшимся редким мерзавцем, понимала меня в этой ситуации лучше всех. И оказалась ближе всех – на тот момент она была в Минске, а Таньский жила в Швейцарии.

Это потом уже мы с ней перебрались в Германию, в Варнемюнде, на унаследованную Сашей виллу.

А Лешка, Алексей Майоров, суперзвезда российского шоу-бизнеса и мой бывший муж, утешился довольно быстро. Теперь с ним рядом Ирина, профессиональная заменительница. Поначалу она заменила подозрительно вовремя заболевшую костюмершу Майорова, затем стала помощницей администратора, а вскоре, словно кукушонок в чужом гнезде, выкинула вон всех прежних обитателей этого гнезда: администратора и друга Алексея Виктора, свою родную тетю Катерину, много лет проработавшую у Майорова домоправительницей, меня. Причем я совершенно точно знаю – к фабрикации якобы компрометирующих меня материалов Ирусик имеет непосредственное отношение. Но моя попыт-

ка открыть Лешке глаза была им избита и выброшена вон. Я ушла следом.

И с тех пор Алексея Майорова больше нет в моей жизни. В нашей с дочкой жизни.

А вот кстати. Почему я ничего не видела по телевизору и не читала в газетах о нашей звезде? Ведь Алексей Майоров – персона медийная, и чтобы за три недели я ни разу не наткнулась на упоминание о нем? Это более чем странно.

Я закинула в бездонную пасть Мая последний кусочек кекса и завопила:

– Саша! Сашуленция! Сашуридзе!

– И незачем так орать, – прогундосила появившаяся подруга, подражая Кролику из мульта про Винни Пуха, – я и в первый раз прекрасно слышала.

Сашка подошла поближе и с удовольствием потрепала лохматую башку Мая:

– Приятель, а ты что такой довольный? Ну-ка, ну-ка, что это? Ага, крошки от кекса в бороде! Анетка, – она строго сдвинула брови, – ты опять собакевича балуешь, Мюллершин кекс скормила? Я бы на твоем месте сидела после подобного кощунства тихонечко, а ты орешь на весь дом.

– Ору, потому что надо.

– И чего тебе надобно, старче?

– За «старче» отомщу, причем жестоко, но попозже. А сейчас меня интересует вот что…

– Ох-ти мне! – Сашка всплеснула руками. – Страсть что

деется! Анну Лощинину в этой жизни что-то еще интересует!

– Не кривляйся, бликлизяна, а ответствуй – почему я за три недели ничего не слышала о Лешке? Он что, умер, что ли?

Глава 2

– Типун тебе на язык! – Сашка вздрогнула и странно посмотрела на меня. – Что мелешь-то! Жив твой Майоров.

– Во-первых, он уже не мой. А во-вторых, – я, отодвинув животом Мая, подошла к подруге вплотную (ну, почти вплотную) и сурово посмотрела ей в глаза, – ты чего дергаешься, а? Да еще мерзостей всяких бедной женщине желаешь. Ты же знаешь, я сейчас очень ранимая и впечатлительная, могу и в обморок обрушиться от чувств-с.

– Это когда я тебе плохого желала? – подбоченилась Саша.

Ха, боченится она! Пусть сначала бока отрастит, а потом боченится!

– А кто типун мне на язык накаркивает?

– Что я делаю? Накар… Накак…

– Вот-вот, именно накак. Да знаешь ли ты, что такое типун?!!

– Знаю. Мой бывший муж. На редкость отвратительный типун, в отличие от твоего.

– Кстати, о моем. Вернее, уже не моем, – я попыталась сложить руки на груди, получилось в целом забавно. – Декабрь уж на дворе, Новый год приближается, тусовка наша светская, бомонд вперемешку с гламуром давно уж отряхнули курортную пыль со своих ног и слетелись в Москву. Самое раздолье для папарацци. А Майоров в последнее время

подкидывал им сладкие кусочки довольно часто. А тут – тишина.

– Твой он все-таки, Анетка, твой, – усмехнулась Сашка. – Что бы ты тут ни декларировала, как бы ни пыталась убедить себя и окружающих в своем полном безразличии к Алексею свет Майорову, а жить без него по-прежнему не можешь. Не видела милого по телику пару недель, и пожалуйста – имеет место быть громкое хлопанье крыльев и озабоченное кудахтанье. Упс, – она ловко увернулась от полотенца, нацеленного ей в лоб, – даже не пытайся, все равно промахнешься. Где уж скарабею тягаться с вертким муравьишкой.

– Значит, жуком навозным меня назвала?

– Я?!! Никогда!

– Ну, Сашулечка, попомни, – я угрожающе надвинулась на подругу животом. – Беременность – явление временное, скоро я снова буду легка и грациозна, словно юная, неопытная лань…

– Эк тебя, матушка, заносит, – нахалка на всякий случай отскочила в сторону. – Юная, неопытная! Про лань я вообще молчу.

– Лучше молчи. У меня уже и так обидок в твой адрес безответных накопилось на нанесение тяжких телесных повреждений, а будешь и дальше языком трепать – инвалидность на горизонте замаячит, грозно и неотвратимо. А что касается Майорова, – я попыталась вспомнить, какие мышцы лица задействованы в создании индифферентного выра-

жения, – то гнусные намеки в мой адрес я проигнорирую. Пока. А газет российских, публикующих светскую хронику, я действительно в последнее время не видела. Даже когда в больнице в Москве лежала, вы мне почему-то желтушку не приносили. Книгами в основном баловали. И телевизора в палате не было. Видите ли, мне, бедняжке, после пережитого нужно спать побольше, а не в телевизор пялиться. Ну-ка, признавайся, – я ухитрилась схватить подругу за руку и подтянуть поближе, – вы от меня что-то скрываете?

– Кто это «вы»? Я и фрау Мюллер? – попробовала трепыхнуться Сашка.

– Ты и Винсент. Ты и Левандовские. Ты и Виктор. Продолжать?

– Ничего мы не скрываем, просто так совпало. – Ох, слишком уж честные глаза, что-то тут не так!

– Я в совпадения в последнее время не очень верю. Скажи прямо – Лешка что, женился на этой своей Ирине?

– Дурочка ты! – Саша совершенно искренне расхохоталась. – Не женился твой Лешка, успокойся!

– Он не мой, – привычно буркнула я и расслабилась.

Нет, не полностью, что вы. Полностью расслабляются в день получки некоторые представители гегемонов. Лежат себе у магазина в подозрительной луже, блаженствуют, персональную перевозку ждут. Но перевозчиков в милицейской форме подобный контингент мало интересует, уж больно вонюч.

А я всего лишь, мысленно ругнувшись на вмиг ставшие ватными ноги, плюхнулась на ближайший стул и аристократично, буквально намеком, усмехнулась. Почти Джоконда.

– Нет, вы только посмотрите! – вредина ехидно хихикнула. – Расплылась киселем на стуле, на физиономии – блаженство, и все почему? Милый все еще свободен.

– Выбирай.

– Что выбирать?

– Какую тебе ногу сломать в недалеком будущем – левую или правую?

Мадам Голубовская почему-то совсем не испугалась, не побледнела от ужаса, а нагло фыркнула и выпорхнула из кухни.

Ничего, я тоже скоро так смогу. А пока понесу себя и дочку медленно, с достоинством. Ладно, без достоинства, зачем мне лишняя тяжесть, все равно никто не видит.

Май, разумеется, потащился следом. Вместе мы несокрушимы. Зато попадающиеся нам на пути предметы очень даже сокрушимы. Табуретки там разные, не успевшие вжаться в угол горшки с цветами, прочие хрупкие аксессуары и предметы быта. Мы не идем с Маем, мы проламываем себе дорогу, словно два шалуна-гиппопотама.

Конечно, основную роль в этом играет пес, я всего лишь пытаюсь подхватить сшибленные Маем предметы, но попытки мои заранее обречены на провал. Разрушения приобретают катастрофические размеры. Фрау Мюллер нервничает

все больше.

Но до моей комнаты мы не дошли. Май вдруг остановился, приподнял здоровое ухо и, радостно бухнув в колокол, ломанулся к входной двери. Нет, собакевич не умеет, встав на задние лапы, звонить в колокол, да и нет у нас ничего подобного, даже дверного колокольчика нет. Просто мой милый песик так лает.

Смахнув между делом вибрировавшую от ужаса этажерку, грациозное животное с размаху впечаталось в только что вошедшего Винсента Морено. Но завершить до конца задуманное псу не удалось, Морено был готов. В прошлый раз, подвергшись опрокидыванию, затаптыванию и зализыванию, он очень долго потом отчищался. Даже одежду пришлось снять, вот бедняга! И довольное выражение его физиономии, когда Винсент на следующий день сидел утром на кухне в махровом халате, было вызвано исключительно вежливостью. А счастливая улыбка Сашки, пристроившейся рядом, была всего лишь улыбкой гостеприимной хозяйки.

Я так рада за них! И Май рад, ему тоже Винсент нравится. Пес помнит, что именно этот человек вынес его, истекающего кровью, на руках из того жуткого подвала, и платит за добро искренней любовью.

А что любовь эта выражается так импульсивно – тут уж ничего не поделаешь, не болонка все-таки.

В этот раз тоже была предпринята попытка опрокидывания. Но Винсент сгруппировался, оперся спиной о стену и

встретил удар судьбы достойно. Но в стену все-таки немножечко влип. И избежать тщательного умывания ему не удалось.

– Аннета, – Морено звал меня так же, как и Сашка, но на свой манер, – тебе не кажется, что пора оторвать это милое создание от столь понравившегося ему занятия. Я слышал, что собачья слюна обладает лечебными свойствами, но мое лицо вовсе не нуждается в лечении. Тьфу, Май, – ага, зверь умудрился лизнуть неосмотрительно заговорившего любимца прямо в рот, – это слишком интимно! Ты что себе позволяешь! Алекс! Спасай! Иначе для тебя ничего не останется!

– Еще чего! – со второго этажа уже спускалась Саша. – Май! Фу! Прекрати!

Пес угомонился и уселся рядом, восторженно глядя на обслюнявленного Морено. Тот, вытащив из кармана аккуратно сложенный носовой платок, принялся приводить себя в порядок, ворча под нос:

– Вот почему «фу»! Неужели моя физиономия вызывает у окружающих такую реакцию? Кошмар какой-то! Я-то думал, что нравлюсь женщинам…

– Винни, не ной. – Саша подошла к своему мужчине и нежно пригладила его разлохмаченные волосы. – Ты очень нравишься женщинам. За всех, правда, не поручусь, но одной женщине ты ТАК нравишься!

– Как ты его назвала? – Я грубо нарушила наметившуюся было идиллию, фыркнув от смеха. – Винни? Это который

Пух? А ты тогда кто? Пятачок? Тигра? Ослик?

– Когда как, – с достоинством ответила Сашка, утаскивая Морено в свою комнату. – В зависимости от фантазии и настроения.

– Скрытая эротоманка!

– Почему скрытая? – Донеслось до меня, прежде чем дверь в спальню захлопнулась.

Мы переглянулись с Маем и тяжело вздохнули. Теперь ребятки появятся не скоро. Придется себя пока чем-нибудь занять.

Вот только чем? О, придумала. Составлю-ка я гороскоп. Сашка любит в эту ерунду заглядывать. Кричит, что не верит, но всегда просматривает, когда увидит.

Но то, что выходит из-под пера жалких дилетантов… Впрочем, из-под пера ничего, кроме перьевых клещей, выползти и не может. А вот когда за дело берется профи, получается шедевр. Итак.

ОВНЫ. Звезды пророчат вам удачу, так что если найдете на улице сумку с деньгами, берите без угрызений совести. Это удача. Если будете работать в огороде, используйте тяпку.

ТЕЛЬЦЫ. Тяжелый месяц, лучше не ходите в гости с мокрой головой. Обострение отношений с любимыми. Перепрячьте заначку.

БЛИЗНЕЦЫ. Судьба не на вашей стороне, поэтому в этом месяце воздержитесь от прыжков с пятого этажа. Если дети

не слушаются, бейте их.

РАКИ. Прекрасный месяц для гонок на комбайнах. С РАКАМИ… смешное сочетание предлога и существительного.

ЛЬВЫ. Постарайтесь меньше времени уделять работе и больше – любимым людям, это доставит вам удовольствие; особенно если вы ассенизатор. Если увидите розовых кроликов на пуантах, знайте: третья бутылка была лишней.

ДЕВЫ. Женщины, приведите себя в порядок, отпуск не вечен, а в таком виде уважение коллектива вам не получить. Мужчины… как вас угораздило родиться под таким знаком?!

ВЕСЫ. Хороший месяц для лепки из глины. Если живот перетягивает вас вперед, пора худеть.

СКОРПИОНЫ. Не самый благоприятный месяц для кровавого убийства, лучше отложить свои планы до декабря, тогда вы заручитесь поддержкой чужой планеты-покровителя. Если пойдет снег, вы можете замерзнуть.

СТРЕЛЬЦЫ. Можете помириться со СКОРПИОНАМИ, до декабря они не опасны. Если встретите прекрасную незнакомку, вспомните о жене и расстройтесь.

КОЗЕРОГИ. Сейчас у вас благоприятный месяц для карьерного роста, так что хотя бы попытайтесь устроиться на работу. Если вы как раз взяли отпуск, вы свой шанс упустили.

ВОДОЛЕИ. Хороший месяц для обращения в буддизм. Если вы только что пожертвовали все свои накопления Фон-

ду защиты диких пингвинов, умом вы не блещете.

РЫБЫ. У вас все плохо. Или все хорошо. Если вы дочитали гороскоп аж до этого знака, вам совсем нечего делать.

Глава 3

Парочка осчастливила своим появлением лишь к ужину. Их вид напомнил мне фразу из школьного диктанта: «Усталые, но довольные, они возвращались домой». Очень довольные, очень. И голодные. Просто мечта кухарки – со стола сметалось все, я едва успела перехватить пару лакомых кусочков для Мая.

Подсунула им гороскоп.

– Ну вот, – расстроенно протянул Винсент, – всегда так. Только соберешься кого-нибудь убить с особой жестокостью и реками крови – на тебе! Звезды против.

– Ага, – я разоблачительно прищурилась, – суду все ясно. Оказывается, мистер Морено у нас Скорпион. Впрочем, я в этом не сомневалась.

– Это еще почему? – Саша с подозрением посмотрела на меня.

Ожидание пакости радужным пятном разливалось по лицу подруги. Никогда не заставляйте людей ждать!

– Ты МЕНЯ спрашиваешь? По-моему, тебе об этом должно быть известно гораздо лучше. Скорпиошки к какому отряду живности относятся?

– А я откуда знаю!

– Членистоногих, кажется, – блеснул эрудицией Винсент.

– Что и требовалось доказать, – я безмятежно посмотрела

на Сашку. – Еще вопросы будут?

Безупречно выстроенная логическая цепочка, извиваясь, вползла в Сашкино сознание. Реакция последовала незамедлительно, в качестве метательного снаряда выступила пухлая нежная булочка. Слегка офонарев от навязанной ей роли, булочка просвистела мимо и весьма удачно приземлилась прямо в зверскую пасть. Во всяком случае, расстроиться она не успела, Май продукты такого размера обычно не смакует, заглатывает сразу.

– Буржуйка клятая, – проворчала я, – капиталистка хренова. В Африке дети от голода пухнут, а она свежей выпечкой швыряется. И ведь что обидно – разве я не права?!

Винсент как раз закончил рыдать от смеха, обнял Сашку и чмокнул ее в нос:

– Алекс, не обижай меня своим недовольством. Твоя подруга – сплошное очарование!

– Так меня еще никто не оскорблял! – немедленно расстроилась я.

Сашка, проявив чудовищное бездушие, показала мне язык и опять утащила мужика к себе. Хоть бы погуляли, что ли. Подумаешь, погода в декабре на Балтийском побережье для прогулок не очень комфортная! Вечерний моцион обязателен для всех. Для всех, кто бережет свое здоровье. А эти двое относятся к собственному здоровью совершенно наплевательски. К моему, между прочим, тоже. Душевному. Опять придется гулять в компании Мая, а с ним душевная

беседа превращается в придушенный монолог.

Ладно уж, пусть шалят! Они так долго шли друг к другу. Впрочем, нет. Они шли своими путями, не подозревая о существовании друг друга. Пути располагались немыслимо далеко, и вероятность их пересечения равнялась одной тысячной процента.

И в самом деле – полевой агент ЦРУ, рыскающий по всему свету в поисках мерзавцев самой высокой пробы, выбранных в качестве подопытных кроликов Стивеном МакКормиком, и самая обычная женщина, уставшая и запутавшаяся в личной жизни. Двое почти взрослых детей, муж, решивший, что жена больше не соответствует его высоким требованиям, и выкинувший женщину, которая была рядом в самые трудные годы, годы нищеты и убогого существования, вон, словно отслужившую свой срок вещь. В новой, богатой жизни нужна новая жена. Сашка переехала к матери и подала на развод.

И в это время Андрей, ее тогда еще муж, узнает, что Сашу, вернее, ее мать, разыскивает поверенный недавно умершего в Германии мультимиллионера Зигфрида фон Клотца, который завещал все свое состояние внебрачной дочери, рожденной в годы Второй мировой войны. Как вы понимаете, этой дочерью и была мать Саши.

И пути Винсента Морено и Александры Голубовской начали стремительно сближаться, пока не пересеклись в горной реке неподалеку от чешского города Клатовы, из которой Винсент вытащил полумертвую, израненную Сашу. А

потом моя подруга попала в цепкие лапки МакКормика, тот почти изуродовал Сашку, превратив ее в холодного, бездушного, тренированного биоробота. Почти превратив. Сашке удалось вернуться к себе прежней, но Винсент об этом не знал, потому и согласился помочь МакКормику вернуть сбежавший объект, пусть даже опосредованно, с помощью своих помощников.

А дальше – вы знаете. Помощнички выловили меня. От меня Морено узнал о том, что Саша снова прежняя, и перешел на нашу сторону окончательно и бесповоротно. Он вместе с Сашей разыскивал меня, он оказался в том злополучном подвале вместе с людьми генерала Левандовского, он взял на себя все заботы о Мае, определив его в лучшую ветеринарную клинику. И только благодаря Винсенту Морено мой пес выжил.

Саша, поначалу с недоверием относившаяся к человеку, втянувшему ее в неприятности, вскоре с удивлением обнаружила, что больше не представляет своей жизни без него. А он – без нее.

И теперь они вместе. Нет, не официально, поскольку Морено по-прежнему остается полевым агентом ЦРУ, и времени на личную жизнь у него мало, катастрофически мало. Да и обнаруживать перед родным коллективом свою близость с наплевавшим на этот коллектив объектом не стоило. Так проще отслеживать планы того же МакКормика в отношении этого объекта.

Поэтому и встречаются Саша с Винсентом на уединенной вилле, весьма насыщенно и плодотворно проводя отпущенное им время. Ведь норма отпуска этого времени очень и очень скудная, словно хлеб по карточкам. Потребляется все, до последней крошечки.

Мы же с Маем в эти периоды и бываем брошены на произвол судьбы. А если учесть, что в отношении меня этот произвол переходит всякие границы, падать на него я не люблю. И если бы не мой пес, ни за что бы не упала.

Гулять мы со зверем в этот вечер не пошли, слишком уж темно, ветрено и в целом паршиво было за окном. Шумно сопя и отдуваясь, перетащили прогулку на утро.

А утром к нам присоединилась грустная Сашка. Морено уехал очень рано, еще до завтрака, оставаться одной подруге не хотелось, и теперь вдоль береговой линии брели три особи. Вернее, брели две, а третья прыгала и резвилась, не обращая никакого внимания на ледяную воду и пронизывающий ветер.

– Сашка, а Сашка!

– Чего тебе?

– Ответствуй мне честно, – я бросила в воду небольшой камешек, что вызвало невероятный прилив энтузиазма и макание в воду пса, – почему у нас дома нет ни одного российского канала телевещания?

– Для максимально полного погружения в языковую среду, – уныло проворчала подруга. – На урок немецкого мы с

тобой ездим два раза в неделю, этого мало для свободного владения языком.

– Так я же с Мюллершей общаюсь.

– Ох, общается она! Здрасьте – до свидания – спасибо. И все. Остается один телевизор.

– Да надоело мне это немецкое телевидение! Тошнит уже!

– Смотри англоязычное.

– Тоже надоело!

– Пошарь в испанском и итальянском.

– Заранее надоело, русского хочу!

– Не нуди. Поставь какой-нибудь диск и смотри. Я же тебе три килограмма дисков с фильмами, сериалами и записями самых интересных программ притащила, чего тебе еще надо?

– Новостей хочу наших, а не вражеских! Все, попрошу сегодня фрау Мюллер, чтобы техника по обслуживанию спутниковых тарелок пригласила, пусть настроит русские каналы. И буду смотреть!

– Я тебе посмотрю! – Сашка почему-то забеспокоилась. – Не вздумай!

– Отстань, зануда! Я не собираюсь торчать часами, наслаждаясь родным телевидением, но новости смотреть буду, вот.

Сашка промолчала, но лицо ее приобрело хорошо знакомое мне выражение упертости. Будет мешать, это понятно. Но так даже интереснее, хоть какое-то разнообразие.

А то скучно до ломоты в зубах. Хожу с трудом, следовательно, двигательная активность исключается, в моем распоряжении только двигательная пассивность. В зеркало стараюсь смотреть пореже – отменяется любимое развлечение всех женщин под названием «Раскрась звезду».

Почему я не люблю смотреть в зеркало? Это явление временное, одно из осложнений, связанных с беременностью. Надеюсь, это пройдет, очень надеюсь.

Потому что у одной моей знакомой дамы изменения в психике оказались необратимыми. Впрочем, скажу честно, до декретного отпуска Люси Укроповой я с ней знакома не была. Судьба подбросила мне этот увесистый подарочек уже после облагодетельствования Люсей человечества. Поэтому гарантировать, что особенности психики этой мадам вызваны именно беременностью, не могу.

Году эдак в двухтысячном, еще до того, как я с размаху влетела на скользкую дорожку журналистики, я работала в рекламном агентстве. Фирма была довольно солидной, с хорошей репутацией, клиентов имела денежных, заказы сыпались один за другим, словно переспелые груши в ветреную погоду. Коллектив подобрался дружный, работа шла слаженно, все было более чем нормально.

Пока из декретного отпуска не выпала Люся Укропова. Где наш шеф нашел это сокровище – не знаю. Думаю, вопрос следует ставить иначе: какая сволочь устроила шефу подлянку? Потому что вместо обещанной Укроповой когорты вли-

ятельных и богатых клиентов агентство получило геморроидальную шишку фантастических размеров.

В предвкушении грядущего нашествия солидных корпоративных клиентов шеф создал под будущие заказы отдельную группу, во главе которой и поставил шишку Люсю.

И первое, что выдала на-гора Укропова, была цидулька следующего содержания (стиль автора, а также особенности правописания сохранены):

«Корпоративный внешний вид сотрудника.

На заметку работающим:

1. Избегайте надевать на работу следующие вещи: слишком откровенные и слишком соблазнительные платья и юбки. Мини. Топы с открытым животом. Низко сидящие брюки. Обтягивающие фигуру юбки, блузки и брюки. Одежду, которая слишком высоко поднимается/опускается, когда вы сидите. Все прозрачное. Всегда носите лифчик.

2. Не приветствуется компанией так же, не стандартные решения в одежде, а именно:

Красавки, джинсы – все, за исключением классики, спортивные футболки, домашние кофты.

По цветовой гамме – ничего кричащего и пестрова, приветствуется – максимально спокойные тона, как в одежде, так и в обуви.

3. Волосы должны быть чистыми и ухоженными, нормального цвета (не зелеными и не синими), аккуратно причесанными или собранными.

4. Должен присутствовать минимальный не кричащий макияж.

5. Руки так же должны быть ухоженными с аккуратно обработанными ногтями, как у женщин, так и у мужчин.

6. Допускается использование парфюмерных композиций исключительно не в выраженной форме.

Женщины, работающие в офисе или занятые бизнесом, всегда должны выглядеть элегантно, а во время беременности они могут просто прийти в отчаяние от своего вида, и поэтому – найдите свой стиль и строго его придерживайтесь. Сейчас не время для экспериментов».

Шеф, ознакомившись со столь лакомым образчиком эпистолярного творчества, долго ржал, потом, исправив «лифчик» на «бюстгальтер», велел распечатать опус и распространить среди сотрудников. Мстительная, я стала ежедневно проверять у мужчин наличие требуемой части одежды и макияжа.

Глава 4

Наивный! Он думал, что Люся пошутила, и, оценив чувство юмора новой сотрудницы, подыграл ей. Вот только Укропова в начальственном угаре восприняла поступок шефа как полную и безоговорочную поддержку проводимой ею политики.

И Люся развернулась с шумом и пылью, словно свернутый и забытый на время ковер. Хлопнувшись на пол, она заставила подчиненных сначала чихать, потом плакать, а вскоре народ потянулся стаей перелетных птиц в другие фирмы. Потому что выдержать Укропову в больших количествах оказалось курсом на выживание, причем на выживание с работы.

Руководитель из Люси, как пуля из продукта жизнедеятельности. С подчиненными она общалась только криками, визгами и истеричными воплями, щедро украшенными матерными вкраплениями. Новых, обещанных клиентов она так и не привела, а прежних, проверенных, постепенно начала распугивать. Чем? Привожу примеры ее бесед с заказчиками:

– Надеюсь, вам нравятся женщины с большой грудью? Да? А я именно такая, так что вопрос мы решим быстро.

– В свое время я занималась гимнастикой на бревне, при встрече могу показать пару упражнений на вас. Вам понравится! (Особенно сравнение с бревном.)

– Женщины – это другое качественное удовольствие, и я вам это докажу.

В общем, все вопросы Люся Укропова собиралась решать вполне определенным образом, будучи железобетонно уверенной, что это единственно верный способ.

Вот только клиенты почему-то пугались и бросались в объятия фирм, ведущих дела скучно и цивилизованно.

Не знаю, как долго шеф терпел Укропову, поскольку уволилась, не дожидаясь развязки. Причиной моего ухода была вовсе не Люся, я как раз пробовала себя на ниве журналистики.

Конечно, пробовать себя – дело неблагодарное и весьма болезненное, гораздо лучше пробовать что-либо более аппетитное.

К примеру, очередной кулинарный шедевр фрау Мюллер – запеченную курочку. Эх, в былые времена я бы эту курочку! А теперь, увы, живу по принципу: «Видит око, да зуб неймет». Съесть за один раз я могу совсем немного, места для еды все меньше. В данном конкретном случае – только крылышки. Только.

После обеда Саша укатила в город по делам, а я приступила к осуществлению коварного замысла, направленного на возвращение в дом Российского телевидения.

Правда, мой замысел основывался на подставе Мая, но пес согласился участвовать, причем совершенно добровольно. Он и так был постоянным источником головной боли на-

шей домоправительницы, поэтому одним грехом больше, одним меньше – наказующей швабры все равно не избежать.

Воспользовавшись отсутствием фрау Мюллер, отправившейся выбирать заслуживающую доверия рождественскую елку, мы с Маем пробрались в гостиную, где окном в мир служил огроменный домашний кинотеатр. Кабель от спутниковой антенны с немецкой тщательностью был упрятан в стену, но кусок шнура все же наличествовал.

Вот на этот кусок мы и покусились. Вернее кусал и грыз его пес под моим чутким руководством. Я даже мясом шнур натерла, чтобы вкуснее покушаться было.

Май справился легко и непринужденно, через пару минут поруганный и изжеванный шнур уныло торчал из стены. Все, теперь мы лишились возможности смотреть телевизор. Потеря для фрау Мюллер почти катастрофическая, она ведь лишилась своего любимого сериала, который смотрит у нас. И у себя дома восполнить потерю она не сможет, поскольку сериал идет около пяти часов пополудни, то есть до ужина, а домой фрау уходит после ужина.

В общем, гром и молния, ад и буря. Именно это обрушилось на моего пса, когда вредительство было обнаружено. Разъяренная Мюллерша гонялась за Маем со шваброй наперевес, чем доставила зверю огромное удовольствие. Пес вернулся в убежище, то есть в мою комнату, лишь набегавшись до затоптанного языка.

Фрау Мюллер бушевала за дверью, я сидела тихой мы-

шью, боясь высунуться, зато Май, совершенно не обращая внимания на угрозы и проклятия в свой адрес, валялся на полу, устало раскинув лапы. Намаялся, бедолага, громя дом.

Вернувшаяся Саша увела домоправительницу вниз, выслушивая жалобы и согласно поддакивая.

Мы с Маем решили дождаться полного штиля в комнате. До ужина еще полтора часа, фрау Мюллер, занявшись любимым делом, успокоится, а завтра с утра для устранения повреждений в дом придет мастер.

И я приступлю к следующему этапу осуществления коварного плана. Попрошу мастера настроить российские каналы. И никакая Сашенция мне не помешает!

К ужину я вышла одна, заперев Мая в комнате. Ему сегодня лучше на глаза фрау Мюллер не попадаться, вкусняшек со стола я парню и так принесу.

Домоправительница, увидев меня, обиженно поджала губы и отвернулась. Я попыталась извиниться за выходку пса, но по сухому кивку поняла, что окончательное примирение состоится не раньше завтрашнего дня.

Треволнения и гонки по пересеченной местности не сказались, к счастью, на количестве и качестве блюд. Похоже, фрау все же решила мне отомстить, наготовив горы вкусностей. Знает ведь, что мне будет мучительно больно видеть это великолепие и не иметь возможности потребить его.

– Это просто издевательство какое-то! – проворчала я, усаживаясь за стол.

– Не все коту масленица. – Сашка мстительно улыбнулась.

– Во-первых, не коту, а псу, а во-вторых, ему и так масленица, а мне, несчастной, пинки и зуботычины.

– Это кто ж тебя пинает и в зубы тычет?

– Морально, Сашечка, морально. Мои до предела истончившиеся нервы и так натянуты до звона, а вокруг цветут махровым цветом жестокость и бездушие. Собачка слегка пошалила – а шуму, а крику! И почему-то я опять виновата оказываюсь! – Я пригорюнилась, подперев рукой подбородок.

– Не придуривайся, подруга, – Саша ехидно прищурилась. – Это все твои козни злокозненные, Май по доброй воле провода грызть ни за что бы не стал, он давно вышел из щенячьего возраста.

– Мои козни?! Так это что, я теперь буду виновата всегда и во всем?! – Я хотела даже возмущенно вскочить и с грохотом бросить вилку, но потом передумала.

Во-первых, резкие быстрые движения мне сейчас не даются, а во-вторых, перебор получится. «Не верю!» (К.С. Станиславский.) Пришлось ограничиться судорожным всхлипыванием в салфетку.

– Продолжай, продолжай, очень впечатляет. – Сашка положила себе горку салата. – Прямо как в ресторане: тут тебе и еда, тут и шоу. А насчет кабеля и твоих плавающих на поверхности хитростей, учти – я фрау Мюллер насчет российских каналов предупредила, даже не надейся.

– Каких еще каналов, о чем ты? И почему хитрости плавают?

– Уже хуже, но тоже ничего. А плавают потому, что оно не тонет. Лицедействуй дальше, а я пока поем.

– Я на тебя Винсенту пожалуюсь, – буркнула я и занялась ужином.

Стараясь, чтобы обиженное выражение лица не соскользнуло ненароком в тарелку, я тихо ликовала. Если Сашка поручила домоправительнице проследить за мной, значит, она и завтра собирается уехать из дома. Так это же просто замечательно! Если бы подруга осталась дома, выполнение коварного замысла было бы сопряжено с немалыми трудностями. Заманиванием ее в подвал и последующим «случайным» запиранием там, к примеру. Последствия, конечно, обещали быть суровыми, но бить беременную женщину не станут.

А уж с фрау Мюллер мы справимся одной левой. Лапой. Передней или задней – неважно. Там что-нибудь придумаем.

Естественно, придумали. Домоправительница, для которой воля хозяйки – закон, сопровождала телемастера на протяжении всего пути следования и временной дислокации. Когда кабель был заменен и мастер принялся заново настраивать сбившиеся каналы (как же им не сбиться, если Май соседского кота загнал прямо на спутниковую тарелку!), я подошла к окну гостиной. Увидев меня, скучавший в ожидании пес резво подбежал к привезенной накануне пушистой елке и задрал лапу. Левую.

Я заблажила дурным голосом, барабаня в окно. Телемастер, слегка сомлевший от монотонной работы с пультом, от неожиданности упал со стула и замер на полу, испуганно глядя на меня. Фрау Мюллер, почувствовав неладное, подбежала к окну.

Увидев готовящееся надругательство, она присоединила свой трубный глас к моему, и теперь мы вопили дуэтом. Мастер попытался уползти за диван.

В следующую минуту самонаводящаяся ракета под кодовым названием «фрау Мюллер» стартовала, производя по дороге значительные разрушения. Жертв, к счастью, удалось избежать.

Если не брать в расчет заледеневшего на полу телемастера. Бедняга, судя по всему, мысленно прощался с многочисленной родней. На «милой Гретхен» прощание было прервано мной.

Я помогла мужчине (ха!) подняться, вкратце объяснила ему причину нашего не совсем адекватного поведения и попросила в первую очередь настроить хоть какой-нибудь российский канал. Бумажка номиналом в двадцать евро кокетливо украсила просьбу.

Немец согласно закивал и, вцепившись дрожащими руками в пульт, защелкал кнопками.

Хоть каким-нибудь российским каналом оказалось НТВ. Ну и нормально, хватит пока. Я попросила присвоить ему номер, который никогда не наберешь случайно. Мастер по-

жал плечами, но просьбу выполнил. Вряд ли кто-нибудь наберет на пульте 0007 просто так, и мой канал будет только моим.

Ох, какая же я коварная!

К моменту возвращения домоправительницы у нас было все отлично: я со скучающим видом сидела в кресле и грызла яблоко, мастер заканчивал настройку телеканалов.

Когда он ушел, фрау Мюллер, подозрительно покосившись на меня, пощелкала пультом. Убедившись, что все осталось по-прежнему, она успокоилась и занялась привычными делами.

А я, отыскав заснеженного пса, угостила его кексом с корицей и благодарно потрепала по холке:

– Умница ты моя, у нас все получилось! Надеюсь, елочку не обрызгал по-настоящему?

Май снисходительно фыркнул и облизнулся, глядя на мои руки.

– Извини, но кекс у меня был только один. Зато на кухне их много, так что потерпи, скоро еще получишь.

За ужином Сашка победно посмотрела на меня:

– Ну что, Анетка, обломилось тебе? Погружайся и дальше в немецкий язык.

– Ага, с головой булькнусь. – Я угрюмо ломала на кусочки коричный кекс и «машинально» бросала их на пол. Ешь, псяк, ты заслужил.

Глава 5

Вот только уединиться и посмотреть наконец родное телевидение мне удалось только через два дня. Никак не совпадали необходимые условия: отсутствие Сашки и полная занятость фрау Мюллер.

В основном в доме торчало и не желало соблюдаться первое, самое вредное, условие – Сашка. Бизнес накануне Рождества активно готовился к отдыху, поэтому управляющие оставили мою подругу в покое, и она с энтузиазмом выполняла обязанности внимательной и до судорог заботливой подруги.

А все почему? Меня, видите ли, нельзя оставлять без присмотра за неделю до родов. Я что, овца безмозглая, которую пасти надо, иначе она в канаву забредет и замерзнет? Впрочем, этот вопрос лучше Сашке не задавать, дабы ветхие заплатки на измочаленном чувстве собственного достоинства не расползлись под напором отвратительно бездушных инсинуаций в мой адрес.

Надо ли говорить, что любая попытка посмотреть телевизор сопровождалась утомительной нагрузкой в лице мадам Голубовской.

И ладно бы только в лице, но ведь были задействованы и остальные части тела, а заодно и органы всякие, из которых самыми зловредными и опасными были слух и зрение.

Жест отчаяния в виде нуднейшего немецкого документального фильма, повествующего о труднейшей судьбе турецких эмигрантов, ничего не дал – Сашка не заснула. Международный жест, означающий глубочайшее возмущение действиями противоположной стороны, зудевший в моих руках, на волю так и не был выпущен, иначе противоположная сторона могла бы что-то заподозрить.

Пересидеть ее у экрана тоже не получалось, мой отягощенный треволнениями и дочкой организм сдавался первым.

Но – терпение и труд все перетрут. Не знаю, как насчет труда, лично я ничего не терла, но терпение, уже приготовившееся лопнуть, победило.

За три дня до Рождества фрау Мюллер вдруг обнаружила, что в доме нет рождественских украшений. Ни электрических наружных гирлянд, ни пушистых внутренних, ни шаров, ни бантов – ни-че-го! Это кощунство привело домоправительницу в ужас, хорошенечко вымочило в этом ужасе, а затем отвело к Сашке.

Подруга долго не могла понять, чего хочет возмущенно шпрехающая Мюллерша. Видимо, подлое кощунство подрезало фрау кончик языка, и речь получилась очень невнятной.

Но в конце концов они все же договорились. Договорились срочно ехать в город с целью тотальной закупки рождественских аксессуаров (и почему это слово мне всегда хо-

чется заменить на «писсуары»?). Собирались взять с собой и меня, но я отказалась, сославшись на неважное самочувствие.

Отказалась, если честно, с огромным сожалением. Я очень люблю всю эту предновогоднюю праздничную суету, пахнущую мандаринами и детством. Нарядные, разукрашенные витрины магазинов, продавцы в колпачках Санта-Клаусов, возбужденные ребятишки возле прилавков, заваленных разнообразнейшими игрушками, а главное – елки! Елки всех размеров и видов, живые и искусственные, элегантно-сдержанные и варварски-роскошные – а-а-а, хочу в город!

Только ради просмотра российского канала я бы ни за что не отказалась от возможности окунуться в предпраздничную суету. Но не в моем нынешнем положении тусоваться в толпе. Увы, увы, увы…

Проводив оживленных, предвкушающих супершопинг дам, я посмотрела на часы. Программы НТВ на сегодня, впрочем, как и на завтра, и на послезавтра, у меня, естественно, не было. Но сегодня суббота, а значит, грядет неизменный блок программ, начиная с «Сегодня» и заканчивая «Ты не поверишь!». Хорошо, что здесь, в Германии, время сдвинуто по отношению к Москве на два часа. Значит, успею посмотреть почти весь блок. Сашка с Мюллершей укатили в половину четвертого, вернутся не раньше девяти, если не позже. Ужин для меня фрау приготовила, сами перекусят в городе. Что перекусят? Разумеется, не провода.

Итак, в нашем с Маем распоряжении целый вечер. И я наконец услышу родную речь не только в Сашкином исполнении. Конечно, иногда ее тарахтенье разбавляет Винсент, говорящий по-русски практически без акцента, но мне этого мало. Я даже по нашей рекламе соскучилась, вот до чего ностальгия замучила!

Фрау Мюллер терпеть не может, когда мы едим в гостиной. Да, конечно, в доме есть отдельная столовая, но ведь так хочется во время просмотра особо захватывающего фильма что-нибудь нервно жевать. Идеально подходят чипсы, но крошек от них! У нашей фрау сразу начинается нервный тик, когда она видит слегка засвиняченую гостиную. Слегка – когда рядом нет Мая. А в полном составе наша троица безобразничает с максимальным эффектом.

Сегодня от троицы осталась двоица, но зато какая! Один псякище чего стоит.

Дабы не отвлекаться пробежками на кухню во время просмотра, я загрузила сервировочную двухэтажную тележку целиком и полностью, для себя и для того парня.

Парень нетерпеливо переминался и пускал слюни. Если учесть, что буквально двадцать минут назад он смел тазик сухого корма, подобное поведение выглядело, мягко говоря, несолидным.

– Май, у тебя совесть есть?

Вопрос из разряда риторических. Зверь даже ухом не повел. И носом не повел. Лишь слегка хвостом помел. Я воз-

мутилась:

– Вот так, да? Тогда сам и тащи, тут основная часть – твоя.

«Ты уверена? – Одно ухо все же повелось вверх: – Жалеть не будешь?»

– Давай-давай.

«Ну ладно».

Май подошел к тележке, аккуратно прикусил ручку и потянул, пятясь боком. Тележка поупрямилась для виду, приличная дама все-таки сразу не ведется, но потом сдвинулась с места и, бренча посудой, нехотя последовала за псом.

Тянуть-то он тянул, и получалось вполне пристойно (если не обращать внимания на угрожающее раскачивание), вот только на пути с неумолимостью утеса стоял дверной проем. В который композиция пес-тележка целиком не вписывалась. Либо пес, либо тележка.

Пришлось вмешаться и забрать у Мая гужевой транспорт. Наградой мне стала щедро обслюнявленная ручка тележки.

Теперь надо идти мыть руки!

Пес смотрел на меня хитрыми глазами: «Иди, иди, мой тщательно, не спеша. Я подожду тебя здесь».

– Ага, счаз! Прям разбежалась!

«Бежать не надо, тебе нельзя».

– Вот спасибо! Какой ты у меня заботливый! Ну-ка, вперед, проводи любимую хозяйку.

«Черт, сорвалось!»

Пес тяжело вздохнул, поднялся и уныло поплелся в ван-

ную комнату, где неблагодарная хозяйка забрызгала бедолаге всю мордуленцию. Женщины!

Наконец все приготовления были завершены. Мы с Маем удобно устроились на широченном диване, тележку со стратегическим запасом провианта я предусмотрительно пристроила со своей стороны, иначе запас слизал бы пес.

Вот кстати, почему говорят «словно корова языком слизнула»? Во-первых, нудно придерусь к словосочетанию «языком слизнула». А чем еще можно слизнуть, кроме языка? Во-вторых, корова отнюдь не чемпион по слизыванию, ей более свойственно вдумчивое пережевывание пищи. А что язык у нее длинный, так вы языки моих подруг не видели!

Поэтому следует говорить «как ирландский волкодав слизнул». Так будет грамотно по форме и по содержанию.

Вот и заветный секретный канал 0007. На экране снова маялись члены семьи, чем-то прогневившие мать семейства. Она накормила их «вкусненьким», а теперь у бабули ноет и болит живот, у сына вздутие, а у папы диарея. И мамуля с иезуитской улыбкой щедро потчует бедняг лекарством. Будете знать, как мне перечить!

Реклама, родненькая, я ведь и по тебе соскучилась!

С удовольствием, пусть даже ничего не понимая в происходящем, посмотрела концовку какого-то фильма. Потом пошел анонс вечерних программ, и я отвлеклась на прицельное метание чипсов в широкую пасть Мая.

И в этот момент что-то царапнуло слух. Я посмотре-

ла на экран – ничего особенного, вздрюченный ведущий «Программы Максимум» перечисляет ожидающую благодарных зрителей чернуху. Обычный набор: махинации какие-то, скандалы со знаменитостями, заказные убийства. И что могло выступить в качестве царапучей кошки, врезавшей мне по ушам? Непонятно.

Пошли новости, мы с Маем внимательно следили за происходящим в мире. Как же здорово все же смотреть телевизор спокойно, не напрягаясь в попытке понять – а что ж они говорят там такое?

Предпраздничная атмосфера ощущалась во всем. И мне внезапно до слез, до истерики захотелось оказаться дома, в Москве, украшать вместе с Лешкой елку, вдыхая умопомрачительный аромат Катерининых пирогов…

Истерику удалось выдворить вон, на мороз, а вот слезы предательски закапали. Май разволновался, тоненько заскулил и принялся вылизывать мне щеки.

– Пес ты мой милый, – совсем разнюнилась я, – если бы ты только знал, как мне плохо без Лешки! А вот ему, к сожалению, без меня очень даже хорошо.

Май недоверчиво посмотрел на меня, укоризненно фыркнул и продолжил начатое. В общем, программу «Профессия – репортер» мы успешно пропустили, поскольку были очень заняты: я – плачем, пес – вылизыванием.

Заухал ведущий максимальной программы. Я в последний раз судорожно вздохнула, заела тоску шоколадным пи-

рожным, угостила таким же зверя, и мы продолжили просмотр.

И вдруг… Что это?!

Я с такой силой вцепилась в лапу Мая, что парень даже взвизгнул от боли.

А я от боли задохнулась.

Потому что на экране происходило невозможное. Кажется, я только что сказала, что Лешке хорошо без меня? Как же я хотела сейчас, чтобы эти слова оказались правдивыми!

Потому что видеть Лешку, моего Лешку в инвалидном кресле, с безжизненным одутловатым лицом, с пустыми глазами растения было невыносимо.

А ведущий захлебывался:

– Прошло уже почти два месяца после чудовищной автокатастрофы, в которой едва не погиб суперзвезда российского шоу-бизнеса Алексей Майоров. В тяжелейшем состоянии певец был доставлен в больницу, где за его жизнь больше месяца боролись врачи. Три недели комы, несколько сложнейших операций, и Алексей постепенно пошел на поправку. Правда, он пока не в состоянии ни ходить, ни общаться, но его близкая подруга, Ирина Гайдамак, говорит, что…

Жуткая боль, на этот раз физическая, судорогой свела все тело. И больше я не видела и не слышала ничего…

Глава 6

В темноте мельтешили вертлявые разноцветные спирали и загогулины, иногда они что-то говорили, но что именно – разобрать было невозможно. Да и не хотелось разбирать, зачем? Иногда темнота становилась более разреженной, и в сером тумане колыхались размытые силуэты. Они склонялись ко мне, потом куда-то пропадали. Но главным действующим лицом, королевой окружавшей меня ночи была боль. Поначалу она горделиво восседала на троне, огромная и всеобъемлющая, но постепенно начала усыхать и сжиматься. Однако покинуть меня окончательно гадина отказывалась категорически.

Но вернуться в реальность наконец позволила.

Осталось только донести эту радостную весть до механизма открытия век. Видимо, там что-то заржавело, потому что открываться глаза отказывались категорически.

Но слух уже включился. И в мой монотонный мир ворвались пикающие звуки явно медицинского происхождения. Больше ничего слышно не было.

Ну-ка, голубушка, постарайся! Вот и хорошо, вот и умничка, справилась наконец-то с упрямыми глазками. Так, теперь слегка сфокусируем, и можно смотреть.

Что ж, палата как палата. Само собой, это больничная палата, у меня в комнате интерьер несколько иной. Шторки

другие, обои, мебели побольше, а пульта управления космическим кораблем вообще нет.

Да знаю я, что это пульт управления мной, но уж больно похоже на космический корабль – сложное хитросплетение проводов, мониторов, кнопок и рычагов. И все это для управления, вернее – слежения и поддержания. Слежения за состоянием и поддержания основных функций жизнедеятельности. Причем осуществлялось все это с дурным энтузиазмом, трубки торчали даже из носа.

И вообще слишком уж много всего для одного несчастного тельца, распластавшегося на кровати и почти не видного из-под одеяла.

Стоп. Распластавшегося? Я – плоская?! А где же…

– Саша! – закричала я что было сил.

А поскольку сил было мало, крик превратился в хриплый стон.

Но меня услышали. Дверь распахнулась, и в палату вбежала осунувшаяся, побледневшая Сашка. Глаза у нее были подозрительно красными, веки – опухшими.

– Анетка, милая, ты очнулась! – Саша упала возле кровати на колени и дрожащей рукой погладила меня по щеке.

– Сашка, ты чего? – Я так удивилась необычному поведению подружки, что на мгновение забыла о главном.

Но только на мгновение. В следующую секунду меня затрясло, аппаратура моментально среагировала и зашлась истерическим писком. Сашка вскочила и бросилась к дверям,

видимо, хотела позвать врача. Но врач уже сам вбежал в палату, сопровождаемый перепуганной медсестрой. Они тарахтели на немецком, суетились вокруг меня, в руках врача хищно оскалился здоровенный шприц. Сашка держала меня за плечи и что-то говорила прямо в ухо, но я не слышала и не понимала ничего.

Потому что упорно пыталась подняться с кровати, срывая с себя все провода и катетеры.

И кричала, хрипела одно:

– Где моя дочь?!!

Врачу никак не удавалось сделать мне укол, Сашка с медсестрой не справлялись, надежно зафиксировать меня не получалось. Тогда врач что-то коротко приказал медсестре, и та выбежала из палаты.

Чтобы через пару минут вернуться с ребенком на руках. Одетый в забавный костюмчик, очаровательные носочки с помпошками и крохотную розовую шапочку, малыш крепко спал. Вернее, малышка.

Моя дочка.

В палате сразу стало тихо: я пыталась вдохнуть, врач делал свое дело, Сашка улыбалась сквозь слезы, а медсестра положила малышку рядом со мной.

Лапыш мой родной, наконец-то… Мы сделали это, несмотря ни на что, мы справились! Правда, я не помню, как прошел завершающий этап, но главное – ты здесь, рядом, сладко сопишь у меня под боком. Спасибо тебе, Господи.

Я с восторгом рассматривала крупную, красивую девчушку. Неужели это я смогла выносить и родить это чудо? И где она там помещалась, такая большая? И почему она вовсе не красная и сморщенная, как положено быть новорожденному? Почему она такая хорошенькая?

Причмокнув во сне, дочка раскинула ручонки и повернула ко мне голову. Да, понимаю, это – материнская эйфория, но все равно: передо мной был самый лучший в мире ребеныш!

Маленькая папина копия. Из-под шапочки виднелись слегка вьющиеся каштановые волосы, брови, нос, губы – Лешкины черты четко проступали в этом крохотном личике. Длинные темные реснички отбрасывали тень на щеки. Может, хотя бы разрез и цвет глаз мой?

Словно услышав мои мысли, малышка смешно сморщилась, чихнула и распахнула глазенки.

Ну вот, даже этого мне не оставили. Меня с любопытством рассматривал маленький Леша Майоров. Именно с любопытством, взгляд моей малышки был осмысленным и фиксированным. Понимаю, этого не может быть, новорожденные ведь еще не умеют различать лица, но дочка смотрела на меня, знакомясь.

В следующее мгновение любопытство сменилось радостью узнавания, и малышка улыбнулась. И потянулась к моему лицу ручками.

– Сашка, она меня узнала! – всхлипнула я, не в силах по-

шевелиться.

А пошевелиться хотелось, и не просто пошевелиться, а обнять моего ребеныша, прижать, накормить, убаюкать. Но не было сил.

– Да ладно тебе, узнала! – шутливо проворчала Сашка, шмыгнув носом. – Узнавать она начнет месяца через два-три.

– Это другие дети, а моя – уже сейчас.

– Ладно-ладно, как скажешь. Только не волнуйся, тебе нельзя.

– А что со мной было-то?

В этот момент в наш разговор совершенно не по-джентльменски вмешался доктор. Строгим, безапелляционным тоном было велено прекратить болтовню и отдыхать: мне – здесь, а Сашке – дома. Оказалось, что подруга дежурила в больнице все это время. Какой промежуток вмещался во «все это» – я пока не знала.

Вернее, не успела узнать, потому что подействовало лекарство, введенное мне врачом, и я отключилась.

И только на следующий день, когда свежая, отдохнувшая Саша навестила меня вместе с фрау Мюллер, я узнала, что произошло.

Сашка в компании домоправительницы, обвешанные свертками, пакетами и коробками, оживленно переговариваясь, шли к входной двери. И вдруг по их нервам хлыстом стеганул жалобный вой, полный тоски и безнадежности.

Сашка выронила пакеты и бросилась к двери. Естественно, ключ от замка затерялся где-то на дне сумки, пришлось вывернуть содержимое на снег и выкопать из груды вещей искомый предмет. Затем подруга попыталась отпереть замок, но руки тряслись все сильнее, Май, который услышал пришедших, бесновался с той стороны, вышибая дверь телом. Сотрясающаяся дверь и трясущиеся руки, сговорившись, сделали возможность попасть внутрь практически неосуществимой.

И тут на помощь пришла фрау Мюллер. Домоправительница забрала у Сашки ключ, мягко оттерла ее плечом от двери, и через пару секунд препятствие было устранено.

Совершенно обезумевший Май, едва не сбив Сашку с ног, ухватил ее зубами за рукав и потащил в гостиную.

Где на полу в луже крови лежала я.

Увидев это, моя мужественная и сильная подруга, «стальная бабочка», стойко перенесшая самые тяжелые испытания, начала сползать по стене.

И снова спасибо фрау Мюллер. Пара увесистых оплеух – и Сашка снова была в состоянии действовать решительно и четко.

Она велела домоправительнице вызвать моего личного врача, Литке, а заодно и местный аналог 911. Сама же бросилась ко мне и попыталась определить пульс. С первого раза не получилось, потому что пульс был очень слабый. Но был. А вот кровь… Ее было так много, что Сашка едва не разре-

велась. Неужели все? Неужели ребенка не будет?! Неужели они опоздали?!!

К счастью, нет, приехали вовремя. Как сказал потом доктор Литке, еще полчаса – и спасти никого бы не удалось. Ни меня, ни ребенка.

«Неотложка» прилетела через восемь минут, следом ворвался доктор Литке. Меня погрузили в реанимобиль и с завыванием сирен отвезли в лучшую клинику Варнемюнде, где сразу же положили на операционный стол.

К немалому изумлению ассистировавшего на операции доктора Литке, малышка появилась на свет крепенькой и здоровенькой, о чем с ходу сообщила сомневающимся громким воплем. Доктор рассказывал мне об этом потом с искренним восторгом, он ведь ожидал самого худшего, учитывая всю историю.

В общем, для ребенка все обошлось. Но не для меня. Организм, до предела измотанный предыдущими потрясениями, последнего удара не выдержал. И обрушилось все, что только могло. Я даже дышать самостоятельно не могла, взбунтовались сердце, почки, резко ухудшился состав крови. Необходимо было срочное переливание, и оказалось, что у Сашки резус и группа крови такие же, как у меня. Так что теперь мы сестры не только по духу, но и по крови.

Но ничего не помогало, я уходила. И тогда Сашка попросила приносить ко мне в палату дочку, хотя бы на полчаса в день.

Малышку приносили и укладывали со мной рядом. Она просто лежала рядом, спала. А я начала постепенно возвращаться.

И на пятый день открыла глаза.

Глава 7

М-да, новогодние праздники у меня в этом году получились довольно своеобразными. Что-то похожее было лишь три года назад, когда я вместе с несколькими девчушками стала лотами на рождественском аукционе в одном премерзейшем отельчике в Таиланде. От весьма печальной участи нас тогда спасло, если можно так сказать, то самое разрушительное цунами Юго-Восточной Азии.

Но тогда я все-таки успела вернуться до тридцать первого декабря, и Новый год мы с Лешкой встречали вместе. И это был самый лучший Новый год в моей жизни…

А в этот раз я побила собственный рекорд. Избитый рекорд забился в угол и обиженно всхлипывал, я же, обнаглев окончательно, Рождество встретила в обнимку с аппаратом искусственной вентиляции легких, а Новый год собиралась встречать все еще в лежачем положении. Правда, дышала уже сама, говорила сама и даже могла дочку держать на руках, правда недолго.

Саша постаралась максимально сделать все возможное, чтобы встреча Нового года прошла хоть чуть-чуть праздничнo.

Меня уже перевели из реанимационной палаты в обычную, где все было гораздо демократичнее. Поэтому подруге и разрешили украсить помещение и даже накрыть стол, при-

чем накрыть не только скатертью, но и тарелками, бокалами, шампанским и разными вкусностями.

И помещение превратилось в жилую комнату. Почти превратилось, от капельницы и пульсометра никуда не денешься. Но в целом получилось очень славно: пушистая елочка пахла хвоей, горделиво качая на лапах шарики, сосульки, колокольчики и прочую красоту. Стены увивали блестящие гирлянды и мишура. А еще в комнате появилась настоящая упряжка Санта-Клауса: олени во главе с Рудольфом и сани. В сани была вмонтирована детская кроватка для Ники Алексеевны. Всю эту красоту принес и установил Винсент.

Я решила назвать дочь Никой, в честь богини победы, ведь моя малышка своим рождением смогла победить обстоятельства, смогла уцелеть. И пусть побеждает всегда.

Надолго со мной в палате дочу пока не оставляли, я пока была слишком слаба, но приносили все чаще, и этих моментов мы ждали с нетерпением. Говорю «мы», потому что Ника радовалась нашим встречам не меньше меня. И пусть мне никто не хотел верить, пусть медсестра, приносившая малышку, снисходительно улыбалась в ответ на мои восторги, пусть. Но не меньше трех раз в день мы с дочкой минут по тридцать-сорок наслаждались обществом друг друга. Ника теперь никогда не спала, когда ее приносили. Она радостно размахивала ручками, пускала пузыри и по-голубиному гулькала.

Тридцать первого декабря моей дочке исполнилось десять

дней. По случаю праздника ее нарядили в крохотную копию наряда Санта-Клауса: белый комбинезон, красную курточку с опушкой, красные носочки-сапожки и красный же колпачок с белой окантовкой и уложили в кроватку-сани. Счастью ребеныша не было предела, она что-то возбужденно вскрикивала и улыбалась.

Вместе с нами Новый год разрешили встречать только двоим: Саше и Винсенту. Фрау Мюллер не пустили, Мая, увы, тоже.

А мой пес тосковал, страшно тосковал. Саша говорила, что он целыми днями лежит в гостиной у того места, где я упала. В первые дни, когда я была на грани жизни и смерти, пес ничего не ел и не пил. И почти не двигался. Выходил один раз в день во двор, а потом опять возвращался на то же место. Он отощал, шерсть свалялась, даже фрау Мюллер, всегда недолюбливавшая пса, от жалости плакала. Говорят, плакал и Май. Он лежал, положив морду на вытянутые лапы, и шерсть возле глаз была мокрой.

И только тогда, когда неотлучно находившаяся в клинике Саша вернулась домой отдохнуть, пес, увидев ее, встал и, шатаясь, побрел на кухню, где впервые за все время попил воды и съел немного мяса.

С тех пор Май стал постепенно оживать, начал гулять во дворе подольше, есть и пить. Но по-прежнему возвращался в гостиную. Только теперь он притащил туда трубку радиотелефона и положил рядом с собой, потому что оттуда пес

мог слышать мой голос. И не только мой.

Как только мне разрешили пользоваться мобильным телефоном, я обзвонила всех своих друзей, чтобы поделиться с ними радостью. Им совершенно необязательно было знать, что предшествовало этой радости, но появления на свет моей малышки с нетерпением ждали в Москве и в Швейцарии. В Москве – Алина, Артур, Инга (она же Кузнечик), Сергей Львович и Ирина Ильинична Левандовские, Виктор, бывший Лешкин администратор. В Швейцарии сходила с ума Таньский. Она еще злилась на меня за то, что я скрыла от нее свою беду, поэтому я спешила реабилитироваться.

А еще я несколько раз в день болтала с моим псом. Сашка говорила, что, стоило ей появиться на пороге дома, как из гостиной выходил Май с телефонной трубкой в зубах и таскался за ней, куда бы она ни пошла. До тех пор, пока Саша не забирала у него трубку и не набирала мой номер. Пес мог часами слушать меня, что бы я ни говорила.

Разумеется, часами я не болтала, но минут на двадцать меня хватало. А если звонок совпадал с визитами Ники Алексеевны, то беседа получалась более насыщенной. Я подносила трубку к малышке, и та гулькала прямо в микрофон.

Сашка рассказывала, что, услышав «разговор» Ники в первый раз, Май вздрогнул, насторожил уши и склонил голову набок, а потом, припав на передние лапы, оттопырил попу, завилял хвостом с бешеной скоростью и начал потешно поскуливать.

В общем, дома нас ждали с большим нетерпением. И это было здорово, вот только… Единственный в мире человек, которого я ждала и безумно хотела видеть, об этом не знал. Как не знал о рождении дочери. Как не знал больше ничего…

Говорить об этом я пока не хотела, не было сил. Сашка тоже не касалась событий того страшного вечера, хотя, думаю, она догадывалась о причинах происшедшего, ведь когда они вернулись и нашли меня, телевизор все еще работал. А для того, чтобы сложить два и два, большого ума не требуется.

Но Сашка молчала, молчала и я, решив отложить разговор до полного выздоровления.

И только по ночам, когда я просыпалась в поту, с пересохшим ртом и рвущимся наружу сердцем, я переживала боль снова и снова. Потому что с тех самых пор, как я вернулась в реальность, мне снился один сон: на Лешкин джип медленно и неотвратимо надвигается гигантский грузовик и сплющивает джип самым чудовищным образом. Я пытаюсь остановить его, предупредить, но вязну в каком-то тягучем сиропе, не в силах пошевелиться. И смотрю, немея от горя, на груду покореженного железа, в середине которой умирает Лешка…

Я не знала реальных обстоятельств автокатастрофы, как там все происходило на самом деле, но в моем сне все было очень и очень жутко.

Я больше не хотела видеть этот сон, он опустошал меня,

не давал встать на ноги как можно быстрее, тормозил выздоровление. И приходил снова и снова.

Но сегодня праздник, сегодня мы встречаем Новый год. И я очень надеюсь оставить все плохое, в том числе и сон, в старом году, который оказался весьма урожайным на всяческие гнусности и подлости. Но одновременно подарил мне дочь. И это обстоятельство делает уходящий год счастливым, несмотря ни на что.

Винсент, который, кстати, принес костюмчик для Ники вместе с кроваткой-упряжкой, едва только вошел в палату, как сразу же вытащил малышку из кроватки и не спускал теперь с рук. Он ходил с ней по палате, показывал украшения, а возле елки они зависли надолго. Винсент что-то тихо говорил, склонившись к Нике, а девчушка не спускала с него внимательного взгляда.

Господи, но ведь это же Лешка должен был показывать дочери первую в ее жизни елку, Лешка, ее папа, а вовсе не посторонний, пусть и симпатизирующий ей мужчина!

Я отвернулась и постаралась незаметно вытереть предательские слезы. Но глазастая Сашка все же увидела:

– Эй, подруга, ты чего подушку просаливаешь? Все ведь хорошо, посмотри, какая у тебя красавица!

– Ничего я не солю, это так, навеяло. Ты лучше обрати внимание на то, как твой любимый мужчина с Никой тетешкается. Тебе не кажется, что он созрел для отцовства? Как насчет своей крохи?

– Ну тебя! – смутилась и покраснела подруга. – Какая еще кроха, о чем ты?

– Ох ты, батюшки, мать двух почти взрослых детей не знает, откуда берутся крохи? Или забыла, возраст все-таки!

– Пользуешься своим бедственным положением, да?

– Естественно. Хоть какую-то пользу я должна из него извлечь, из положения этого горизонтального! А то всю спинушку уже отлежала.

– Не расстраивайся, встанешь на ноги – получишь по этой спинушке за все гадости.

– Ой-ой-ой!

– Эй, дамы, брек! – К нам подошел Винсент с Никой на руках. – Разве можно в присутствии этого очаровательного ребенка ругаться, пусть даже в шутку?

– Только не говори вслед за Анеткой, что малышка все понимает, – усмехнулась Сашка, с нежностью глядя на мою дочку.

– Скажу, – совершенно серьезно ответил Винсент. – Она действительно все понимает. И видит хорошо, и слышит, и узнает окружающих.

– Да с чего ты взял? – Подруга даже слегка рассердилась. – Этого не может быть, я все-таки двоих детей родила, знаю.

– Алекс, ты только не злись, – Морено поцеловал надувшуюся Сашку в щеку, – но твои дети – они такие же, как мы.

– Так ты что, хочешь сказать, что моя дочь – инопланетянка? Что она – ненормальная? – Я тоже начала заводиться.

– Нет, она нормальная. Просто она – другая.

– В смысле?

– Она – из нового поколения людей, их еще называют дети-индиго.

Глава 8

– Кто?

– Индиго.

– А что это?

– Не что, а кто. Индиго – это, предположительно, качественно новая раса людей.

– В смысле – новая раса? Инопланетяне, что ли? Фокс Малдер был прав? – хихикнула я. – Подлые пришельцы с помощью прививок вводят детишкам свой генетический материал! Ужас, что деется! Надо срочно прикупить диск со всеми сериями «Секретных материалов», может, еще каких откровений там начерпаюсь!

– Резвишься? – Винсент посмотрел моей дочери в глаза. – Видишь, малышка, твоя мамуля не желает знать правду. Будем продолжать бороться с косностью или ну ее?

Ника возбужденно загулькала и замахала ручонками. Она словно отвечала Морено.

Мы с Сашкой недоуменно переглянулись. Да, я с моим ребенком общалась ментально практически весь срок беременности, я видела, что дочка узнает меня, реагирует, проявляет эмоции. Но, поскольку это мой первый ребенок, я предполагала, что так бывает у всех.

Но реакция окружающих на Нику заставила меня засомневаться. А я не люблю, когда меня заставляют, поэто-

му активно сопротивлялась сомнениям, делала вид, что все нормально.

Думала, что это я делаю вид, а на деле вид сделал меня.

Винсент тем временем посмотрел на часы, потом – на накрытый стол и снова обратился к Нике:

– Вижу, ты хочешь, чтобы я как можно скорее рассказал твоей маме все, что знаю о детях-индиго?

Малышка улыбнулась.

– А может, потом, в будущем году? Праздник все-таки, а на столе столько вкусного! Дядя ведь слюной изойдет, захлебнется, и никто ничего не узнает.

Ника обиженно засопела, сморщилась и приготовилась заплакать.

– Все-все, понял. Только я коротко, самую общую информацию, ладно? Остальное мамусь из Интернета узнает. Значит, так. В последние годы на планете отмечается увеличение количества появлений на свет необыкновенных детей. Во Франции их называют «тефлоновыми» (потому что к ним не пристают общепринятые нормы поведения), на Британских островах – «детьми тысячелетия» (потому что после двухтысячного года их количество возросло в разы). У вас, в России, они – «дети света». Но общепринятое их название – дети-индиго.

– Почему «индиго»?

– Потому что их аура нового, необычного цвета – фиолетового. А еще у них – иной рисунок радужки глаз, он имеет

форму звездочки.

– А у нас разве по-другому? – огромные глазенки своей дочки я изучила в первый же день знакомства и звездочку вокруг зрачка, естественно, видела.

Но я думала, так у всех. Просто свои собственные глаза я с такой тщательностью никогда не рассматривала.

Вместо ответа Морено взял с прикроватной тумбочки зеркальце и сунул мне под нос. Действительно, у меня звездочек не было. Тот же результат оказался у Сашки. Подруга немедленно проинспектировала Винсента и уже совсем по-другому посмотрела на мою дочь.

Ника, которую Морено положил рядом со мной, снова улыбнулась. У меня, если честно, загарцевали по спине мурашки. Я чуть было не испугалась собственного ребенка. Но в этот момент ребенок выдул потрясающих размеров пузырь и восторженно замахал ручками. Ах ты мой баклажанчик! Аура у тебя фиолетовая? Ну и пусть! Индиго ты или нет, ты – мое солнышко, мой самый родной человечек!

А Винсент тем временем продолжил:

– Так вот. Раньше такие дети тоже появлялись на свет, но их было один на миллион, и их называли гениями. Моцарт, Леонардо да Винчи, Винсент Ван Гог – их причисляют к типичным индиго. Из более поздних, почти современников – ваша Ника Турбина, которая начала писать «мудрые» стихи в четыре года. Но, еще раз повторюсь, все случаи были единичны, тогда как сегодня сообщения о таких детях поступа-

ют со всех уголков планеты. В США и Канаде существуют специальные центры, где выявляют индиго.

– И, судя по тому, что ты так хорошо знаком с этой темой, эти центры курирует твое ведомство? – Саша с подозрением посмотрела на мужчину. – Надеюсь, ты не успел сообщить своему начальству о Нике?

– Алекс, ты хочешь поссориться со мной? – скулы Винсента закаменели. – Если ты так плохо обо мне думаешь, зачем вообще со мной общаешься?

– Извини, – подруга смущенно улыбнулась и чмокнула насупившегося Морено в нос. – Я просто так ляпнула, не подумав.

– А она у нас вообще редко думает теперь, она в основном кулаками машет, – я не удержалась от ехидства. – От частых тренировок кровь к мышцам прилила, а мозг голодает.

– Скорее бы ты поправилась! – мечтательно протянула подруга.

– Мне продолжать или пойдем кушать?

– Продолжай.

– Все дети-индиго проявляют свои способности с младенчества. Если обобщить, чем они отличаются от обычных детей, то это следующее: высочайший уровень интеллекта (IQ в среднем сто тридцать), иммунитет во много раз выше (были даже случаи самоизлечения «фиолетовеньких» от СПИДа), они понимают язык птиц, рыб, животных и растений, владеют экстрасенсорикой, телекинезом и даже телепортацией…

– Это уже полный бред! – не выдержала Сашка.

– Нет, Алекс, это документально подтвержденные факты. Конечно, не все подряд показывают одинаковый набор способностей. Дети-индиго разные, как и обычные дети. Я перечисляю лишь общий перечень выявленных способностей. Еще дети-индиго имеют врожденный дар целительства и активно его используют, иногда даже не подозревая об этом. В чем, кстати, вы могли уже убедиться на личном опыте. Ты, Анна, пошла на поправку с того момента, как тебе стали приносить дочку. Ника лечила тебя интуитивно. Дети-индиго могут читать других людей, как открытую книгу, быстро замечают и незаметно нейтрализуют любые, даже сильно завуалированные, попытки манипулировать собой. Что еще необходимо знать родителям таких детей? Они настойчивы и решительны, у них потрясающая интуиция, они способны принимать единственно верные решения. Индиго независимы и горды даже в унизительных для себя ситуациях. Они способны на ярость и жестокость в том случае, если натыкаются на непреодолимую стену равнодушия. У индиго часто возникают проблемы в школе, поскольку они категорически отвергают авторитарные методы обучения. В таком случае они просто не слышат своего учителя, блокируя аудиальный и визуальный информационные каналы. Дети-индиго отличаются от нас генетическим кодом. У них включены тридцать пять и более кодонов – единиц генетической информации, тогда как у нас – всего двадцать…

– Давайте лучше выпьем, – слабым голосом произнесла я, прерывая лекцию увлекшегося Морено. – Новый год скоро.

– С удовольствием. – Винсент оживленно потер ладони. – Ну-ка, Анна, подъем! Хватит валяться, вставай. А я пока твою дочку в кроватку переложу, она спит давно.

– Это ты ее уболтал. – Сашка с трудом развела глаза от переносицы. – Впрочем, нас тоже. И предложение выпить поступило как нельзя кстати.

В общем, Новый год я встретила в слегка озадаченном состоянии.

А уже через неделю нас с дочкой отпустили наконец домой. Можно сказать – почти год в больнице пролежала, с прошлого года дома не была! Надоело – не то слово. Осточертело!

Из клиники меня вывезли на кресле-каталке. У них, у западников, так положено. Неудержимо захотелось накрыть ноги клетчатым пледом, склонить голову на плечо и, пуская обильные слюни, захрапеть. Дряхлая ведь совсем, немощная, сама не передвигаюсь.

А я, между прочим, не только могу удерживать себя в вертикальном положении, но даже перемещать это сооружение (то есть себя) в пространстве. Причем довольно ловко, почти не натыкаясь на мебель и углы.

К православному Рождеству погода в Варнемюнде была почти идеальной: легкий морозец, много пушистого снега на земле и легкое кружение безупречных снежинок в воздухе.

Сашина машина была обильно завешана розовыми и белыми шарами. Возле нее смущенно переминался с ноги на ногу Винсент с гигантским букетом белых роз, завернутых в розовую бумагу. Сашка разговаривала с кем-то в незнакомой машине, склонившись к окну. Интересно, с кем это она?

Заметив доставленный на кресле-качалке груз, встречающие оживились. А когда в дверях показалась медсестра с Никой Алексеевной на руках, дверцы незнакомой машины распахнулись, и оттуда с радостным визгом вылетела…

– Господи, Кузнечик, как же ты выросла! – Я, едва поднявшись с кресла, тут же плюхнулась обратно, практически сбитая с ног моей маленькой подружкой, Ингой Левандовской.

– Улечка, как же здорово! Поздравляю, поздравляю, поздравляю! Я так по тебе соскучилась! – девочка тормошила меня и радостно смеялась. Она зовет меня Улей, и только ей я это разрешаю, потому что имя «Уля» связано с очень неприятными воспоминаниями. – Почему ты не звонила?

– Инга, оставь Аннушку в покое. – Алина, смеясь, оттащила дочку и поцеловала меня в щеку. – Ну, показывай свою красавицу.

Подоспевший к раздаче Винсент обменял букет на малышку и теперь держал ее, гордо поглядывая по сторонам. И опять он вместо Лешки! Опять чужой дядя вместо отца…

Но долго расстраиваться по этому поводу мне не дали. Одетую в желтый меховой комбинезон Нику уже забрали у

Винсента, и в данный момент происходило бурное знакомство семьи Левандовских с моей дочерью.

– Мама, посмотри, какая она хорошенькая! – возбужденно тараторила Инга. – И как на дядьку Альку похожа!

– Это точно, – прогудел Сергей Львович, соглашаясь с внучкой. – И смотрит в точности, как отец! Как будто что-то понимает!

– Вот как раз отец ее сейчас ничего не понимает! Ой! – Инга прикрыла рот ладошкой и виновато посмотрела на меня. – Извини, Улечка! Я не хотела!

– Ничего страшного, – через силу улыбнулась я.

Пушистого желтого медвежонка передавали с рук на руки, восхищались, смеялись, целовали. Наверное, так нельзя обращаться с детьми, которым от роду нет еще и месяца, но моей малышке происходящее очень и очень нравилось, она возбужденно гулькала, вскрикивала и размахивала ручками, а еще смешно дергала ножками, словно прыгала.

Наконец дочку вручили мне. Я уютно устроила ее на сгибе руки и потерлась носом о ее щечку:

– Ну что, Ника, пойдем жить дальше?

Глава 9

Когда мы подъехали к дому, первое, что я услышала, – странно высокий, заливистый лай Мая. Обычно мой пес лает гулко, внушительно, но сейчас! Зверь аж подвывал от нетерпения.

Он метался вдоль ограды, давно уже вытоптав в снегу широкую трассу, похожую на работу снегоуборочной машины. Заметив приближающийся автомобиль, пес взвыл, встал на задние лапы и принялся скрести ворота, стараясь открыть их побыстрее и активно мешая сделать это садовнику.

Понадобилось минут пять и человека три, чтобы оттащить упирающегося пса от ограды. И кортеж аж из двух автомобилей медленно въехал на территорию виллы.

Выбраться из машины нам с дочкой помогали все имеющиеся в наличии мужчины: Сергей Львович, его сын Артур и Винсент. Такое скопление галантных кавалеров на одном квадратном метре дало эффект, обратный ожидаемому. Мужчины топтались и сопели, активно мешая друг другу. Но, несмотря на их усилия, из машины мы все же выбраться смогли.

И наше появление придало Маю дополнительные силы. Радостный взвизг, мощный рывок – и все три фиксатора валятся в снег, а к нам несется гигантская мохнатая торпеда.

– Май, осторожнее! – едва успела выкрикнуть я, прижи-

мая дочку покрепче.

Но, как оказалось, приготовиться к встрече надо было вовсе не нам. В следующее мгновение в снег полетели все мои кавалеры, а вокруг нас образовался снежный торнадо.

Май нарезал круги, пытаясь выплеснуть переполнявшие его эмоции. Он лаял, он повизгивал от счастья, он умудрялся извиваться всем телом во время прыжков.

– Звереныш мой хороший, я тоже рада тебя видеть! – оказалось вдруг, что я реву.

Нет, ну ничего себе! Такими темпами я скоро начну выписывать журнал «Счастливая домохозяйка», рыдать над женскими романами и печь пироги по воскресеньям. Нет, пироги – это уже слишком!

Уставший пес наконец угомонился, шлепнулся на попу и радостно разулыбался, свесив язычище. Но хвост успокаиваться не желал и продолжал интенсивно мести остатки снега.

– Май, познакомься, это – Ника, – я поднесла малышку поближе к собакевичу.

– Аннушка, осторожнее! – Сергей Львович, отряхивавший снег с одежды, рефлекторно дернулся к нам. – Ты с ума сошла!

И ошарашенно замолчал.

Потому что Ника улыбнулась и, глядя псу в глаза, что-то заворковала. Май натопырил уши и внимательно слушал ее! Потом его страшненькая, исполосованная шрамами морду-

ленция осветилась бесконечной нежностью и преданностью, он смешно притявкнул и лизнул малышку в нос. Ну как в нос – учитывая размеры языка, вместе с носом было зализано все, не спрятанное в комбинезоне.

– Улечка, она что, с собакой разговаривала сейчас? – Инга не сводила восторженного взгляда со сладкой парочки.

– Ну что ты, доченька, – улыбнулась Алина, – Ника просто гулит, как все младенцы.

– Нет, мам, ты ничего не понимаешь, они разговаривают!

– Ага, – хмыкнул Артур, – обсуждают последние новости.

Винсент многозначительно посмотрел на меня и промолчал.

Наконец мы вошли в дом, и я не удержалась от восторженного «ах!». Так, срочно надо восстанавливать форму, иначе воскресные пироги из виртуальных станут реальными.

Но дом Сашка и компания украсили все же здорово! Много бело-розового: цветы, шары, драпировка, подушки. А моя спальня преобразилась полностью. За то время, пока я отсутствовала, Саша сделала там ремонт. Теперь это была наша с дочкой комната, и это отразилось и на отделке, и на меблировке. Рядом с моей кроватью появилась детская, завешенная полупрозрачным пологом, кроватка. И много еще всего нужного и очень красивого.

Пока внизу готовили праздничный стол, я переодела дочку, покормила и уложила спать. Индиго она или нет, но покушать и поспать любит, как и положено здоровым малышам.

А потом пошла в душ, потому что очень хотелось побыстрее смыть с себя и оставить в прошлом запах больницы, немощи и смерти. Вот только шрамы в прошлом, увы, не оставишь. Ну и ладно, ну и пусть. Зато с моей дочкой все в порядке.

Вниз я спустилась где-то через полчаса. Народ, скучавший в гостиной, увидев меня, оживился и потянулся в столовую. И немудрено, ведь сегодня фрау Мюллер превзошла себя, завалив кулинарными изысками стол. А учитывая, что «себя» нашей фрау и так довольно впечатляющая, атака на вкусовые рецепторы была явно заимствована из плана «Барбаросса». Гены, ничего не поделаешь.

Но и у нас гены имеются! Мы «Барбароссу» в свое время отправили к Барбосам, справились и сейчас. Тем более что союзник второй фронт открыл – Винсент Морено держался достойно.

Трапеза растянулась почти на три часа. Ели – болтали, болтали – ели, а горячее, а горячее номер два, а десерт, а кофе, а десерт номер два, а глинтвейн, в конце концов! Правда, мне от конца концов пришлось отказаться. Да, знаю, что потеряла, но Нике пить пока рановато.

Словно в ответ на мои страдания сверху послышался вначале призывный лай, а потом – возмущенный плач. Май, не отходивший теперь от малышки ни на шаг и дежуривший у кроватки, сигнализировал, что мамаше пора вернуться к исполнению прямых обязанностей. А то ишь ты ее, увлеклась

кривыми, а ребенок проголодался!

Выспавшаяся Ника оставаться в кроватке не желала категорически, она бузила и хныкала. Пришлось взять ее с собой и спуститься к народу под конвоем Мая.

Появление главной виновницы торжества было встречено коллективным сюсюканьем. Виновница же виноватой себя не чувствовала, радостно агукала, ворковала и гулькала. Вьющиеся темные волосята распушились, щечки раскраснелись, глаза широко распахнулись – ребенок активно радовался жизни. И с удовольствием переходил с рук на руки.

А я, воспользовавшись ажиотажем вокруг дочки, села в кресло рядом с Сергеем Львовичем, который блаженствовал у камина с кружкой глинтвейна в руках.

– Ну что, Аннушка, – Левандовский, не отрывая взгляда от пляшущих языков пламени, улыбнулся, – все хорошо?

– Вы же знаете, что нет.

Раздался звучный «чпок». Это генерал с трудом оторвал-таки взгляд от огня и подарил его мне. Взгляд от столь бесцеремонного обращения получился слегка удивленным:

– Почему?

– Сергей Львович, вы отличный профессионал в своей области, но актерские способности у вас на нулевом уровне, если не ниже, – усмехнулась я.

– А ниже это как?

– А это когда монолог Чацкого в исполнении чайханщика Исмаила из Ферганы звучит убедительнее, чем ваши слова.

И не пытайтесь увести разговор в сторону, не получится.

– Никого никуда я не веду, – Сергей Львович тяжело вздохнул, – просто надеялся, что этой темы мы касаться не будем.

– Будем, – я помолчала, собираясь с духом. Дух никак не мог сообразить, зачем, куда и как быстро надо собираться, бестолково метался и мешал говорить. Но я справилась. – Я не стану спрашивать, почему от меня все это время скрывали правду, лишив газет и телевидения. Разумеется, для моего же блага.

– А вот сарказм здесь неуместен, вспомни, в каком состоянии тебя привезли в Москву.

– Но потом-то мое состояние улучшилось!

– И что? Что ты могла сделать? Что изменить? Ситуация практически безнадежная. Алексей жив, и в то же время его нет. Того, прежнего Алексея нет.

– Пожалуйста. Прошу вас, – я с трудом сдерживала слезы, – расскажите мне все, что произошло. Начиная с момента автокатастрофы и по сегодняшний день. Я ведь толком ничего не знаю.

– Ну хорошо, – Левандовский допил глинтвейн и поставил кружку на пол. – В тот день, буквально за полчаса до случившегося, Алексей впервые за долгое время позвонил мне. Предупреждая возможные вопросы, скажу – твой муж…

– Бывший.

– Твой муж, – с нажимом повторил генерал, – прекратил

все отношения с теми, кто знал тебя. А может, это мы прекратили, впрочем, не суть важно. Короче, ни мы, ни уволившийся Виктор больше с Майоровым не общались. И вдруг он звонит и просит меня собрать всю возможную информацию на свою новую подружку, Ирину Гайдамак. Пообещал прийти к нам вечером и что-то рассказать. Не успел, – Сергей Львович с силой провел ладонями по лицу. – В момент аварии он говорил по телефону с Виктором, просил его тоже подъехать к нам. А потом случилось это. Его джип подрезал огромный грузовик, водитель которого, кстати, сбежал с места аварии. Удар был такой силы, что Лешу пришлось извлекать из сплющенного автомобиля с помощью резака. Держись, девочка, – он ободряюще сжал мою руку, – ты же сама хотела знать. В общем, вначале по всем каналам прошло сообщение, что Алексей Майоров погиб. Я сразу же позвонил своему знакомому в ГИБДД, и тот сказал, что Леша жив, но в тяжелейшем состоянии. Мы с Артуром поехали в клинику, куда отвезли Алексея. Там уже был Виктор. Но нас, конечно же, никуда не пустили, потому что Лешу как раз оперировали. Потом было еще несколько операций и – кома. Мои несколько дней подряд приезжали в больницу, надеясь услышать хоть что-то обнадеживающее. А я в это время был занят твоими проблемами. В общем, Аннушка, получилось так, что вы с мужем одновременно лежали в больницах. И мы разрывались между вами, стараясь уберечь тебя, не дать узнать. Ведь ничего обнадеживающего мы сказать не могли.

А тем временем Ирина, назвавшись женой Майорова…

– Но почему? Она же юридически ему никто! – я с трудом справилась с дрожащими губами.

– Юридически – да, но в последние недели перед случившимся все газеты кричали о связи Алексея Майорова с его новой администраторшей. И потому, когда Ирина, сутками не отходившая от Лешиной палаты, назвала себя его женой, все восприняли это как должное. Алексей около месяца находился в коме. Потом очнулся, но… – Генерал помолчал, только перекатывавшиеся желваки выдавали его состояние. – В общем, Аннушка, он совсем плох. Передвигается с трудом, ничего не говорит, мало что соображает. Восстановились лишь основные функции жизнедеятельности, а в целом Алексей Майоров пока – полурастение. Извини, но это так. Незадолго до твоих родов его выписали из больницы, и Ирина увезла Лешу в какой-то супердорогой закрытый частный санаторий, где он будет проходить курс реабилитации. Вот такие вот дела, доченька.

Глава 10

День выдался на редкость теплым и солнечным, просто Анталия, а не Варнемюнде! Август в этом году нас баловал такими деньками, какие для Балтийского побережья Германии не совсем типичны. Во всяком случае, так сказала фрау Мюллер, а не доверять словам старожила у меня оснований не было. Хотя наша фрау совсем не старая, да и не такая уж и жила. Она просто очень экономная, ей по должности экономки положено.

Впрочем, у нашей фрау неожиданно даже для нее самой проявился еще и талант няни. Правда, няня получилась с диктаторскими замашками, но замахивалась она в основном на нас с Сашкой, когда гоняла из-за Ники. Попытки управлять моей дочкой заканчивались плачевно. В смысле – плачем. Иначе мой ребеныш высказать свое возмущение пока не мог, словарного запаса не хватало.

Хотя к восьми месяцам доча говорила довольно хорошо, но только отдельные слова. Видно было, что она злится, не имея возможности сказать все, что хочется, но развитие речевого аппарата никак не поспевало за умственным развитием. Бедный речевой аппарат, скрипя морально устаревшими сочленениями, старался изо всех сил, но увы… Он и так уже работал с перегрузкой, выдавая столько слов, но целые связные фразы – нет уж, увольте!

А Никуська напрягала не только его, она заставляла опережать график все свое тело. Встала на ножки в шесть месяцев, в семь уже шустро перемещалась в ходунках, готовясь к первым самостоятельным шагам, которые случились в восемь месяцев.

Дочка росла, черты лица становились все четче, цвет глаз определился окончательно, и ее сходство с Лешкой, всепобеждающее при рождении, сейчас немного потеснилось, уступив мне процентов десять. В эти проценты входили посветлевшие до золотистого оттенка волосы и цвет радужки глаз: ореховой, отцовской, осталась только та самая звездочка вокруг зрачка, а остальная часть радужки была теперь серо-голубой. Необычные глаза, ничего не скажешь, их взгляд притягивал, завораживал, казалось, малышка смотрит внутрь тебя, читает мысли.

Но я, если честно, подобной ерундой не заморачивалась. Даже если и читает, как якобы могут индиго, что с того? У меня от дочуры секретов нет, я ее просто люблю. Зато мне ничего не надо доказывать, мой ребенок знает об этом с рождения. И даже дольше.

В общем, по дому носился в ходунках светловолосый очаровательный Леша Майоров. Волосы у дочки отросли до плеч, кудряшки превратились в крупные завитки, а если добавить к этому необычные глаза – ребенка смело можно было готовить к карьере кинозвезды.

Но надо ли это Нике – неизвестно. А если понадобится –

она своего добьется, характер у девчушки формируется настойчивый, упертый. О чем знают все друзья и знакомые, но никак не может смириться фрау Мюллер. Где это видано – считаться с мнением восьмимесячного младенца! Девочке в таком возрасте положено хорошо кушать, много спать и пачкать памперсы. И все ее желания обязаны сосредоточиться вокруг этого нехитрого времяпровождения!

Вот только моя дочка памперсы исключила из своего обихода уже в шесть месяцев. И сейчас тягает иногда за собой на веревочке горшок на колесиках, чтобы не пришлось далеко бежать в случае необходимости. А уж когда из дома выходим – наличие персонального туалета обязательно. Никаких «пись-пись» под кустик, слишком унизительная поза!

Сегодня мы снова выбрались на пляж. Горшком навьючили Мая, он же тащил в зубах сумку с пляжными принадлежностями и перекусом. Очень хотелось окунуться в море, и не просто окунуться, а хорошенько поплавать. В августе это было уже вполне осуществимо, причем для Ники тоже. Она обожала плескаться на мелководье под присмотром пса.

Дочка ехала у меня на руках, поскольку ходунки ее по песку передвигаться отказывались категорически, а самостоятельные шаги были пока медленными и не очень уверенными. Саша пыталась пару раз перехватить ценный и довольно тяжелый груз, но попытки были пресечены категоричным «неть!». Каюсь, наплевав на мудрые советы известнейших младенцеведов в лице доктора Спока и иже с ним, я свое

дите с рук не спускала. Дочка была со мной всегда. Поначалу – в кенгурушке, потом – просто на руках или в детском креслице. Она иногда даже спала на руках, достаточно было закрыть девочке лицо тонкой пеленкой, чтобы свет не бил в глаза. И ей не мешали ни наши разговоры, ни звук работающего телевизора. Главное – мама рядом.

Поэтому и в качестве транспортного средства для поездки на пляж Никушонок выбрала маму. Хотя Сасу (ох уж этот хилый речевой аппарат!) дочка очень любила. Впрочем, как и Виню (Винсента), Мулю (фрау Мюллер), не говоря уже о Вике и Сяве (Славе), Сашиных детях. Причем Сяву малышка особенно выделяла, да и парень, пребывавший в возрасте «крутого мачо», когда всякие там сюсюканья и проявления нежности категорически отметаются, с Никой возился с огромным удовольствием. Забавно было наблюдать за высоченным пятнадцатилетним парнем, весело игравшим с крохой.

Вика и Слава на каникулах жили у мамы. Вику ждал второй курс университета, Славу – школа, но это потом, в сентябре, сейчас ребята целыми днями пропадали на пляже. Если, конечно, погода позволяла. А погода, как я уже упоминала, в этом году позволяла многое, словно отчаявшаяся старая дева.

Ребята перезнакомились с местными мальчиками-девочками, у них образовался слаженный молодежный коллективчик, и подкидывать им малышку я не хотела. К тому же доч-

ка мне совсем не в тягость, наоборот, я слишком уж привязана к ней. Ничего, со временем все нормализуется. Надеюсь.

Молодежная тусовка гомонила неподалеку. Заметив нас, загоревшие до черноты Вика и Слава приветственно замахали руками:

– Мама, тетя Аня, идите к нам!

– Сява! – подпрыгнула на моих руках дочка. – Сява! Вика! Там!

– Вижу, что там, – проворчала я. – А ты будешь себя хорошо вести?

– Да!

– Врушка ты маленькая! А кто в прошлый раз Бригитту песком засыпал? И вещи ее в воду бросил?

– Ника.

– Знаю, что Ника. А зачем?

– Надо.

– Между прочим, ревновать в твоем возрасте очень глупо. Слава старше тебя на четырнадцать лет, неужели ты думаешь, что он должен ни с кем не встречаться и терпеливо ждать, пока ты вырастешь?

– Да.

– Не надейся. А Бригитта Славе нравится, она девушка симпатичная…

– Неть!

Ясно. Поговорили. Аргументы и логические построения отметаются, как вражеские и оппортунистические. Значит,

козни в адрес юной голубоглазой немки будут продолжаться.

На пляже Ника вместо ходунков использовала пса. Она цепко держалась за его длинную густую шерсть, и забавный тандем передвигался по территории довольно шустро. И пакостил несимпатичным дочке личностям.

К таковым относилась не только Бригитта. Ника невзлюбила еще одну парочку: огромную мужеподобную тетку и ее сыночка, откормленного наглого пацаненка лет пяти. Такие мамаши встречаются всегда и везде, в любой стране. Они живут под лозунгом: «Этот мир существует лишь для того, чтобы служить мне и моему ребенку. Мы правы всегда и во всем!»

И противный белобрысый толстяк, кожа которого от солнца приобрела пикантный оттенок задницы макаки, терроризировал весь пляж. Он, затаившись, поджидал, пока кто-нибудь из малышей построит замок или крепость из песка, и как только счастливый ребенок поднимался, чтобы позвать маму и показать дело рук своих, откуда-то из-за спины выбегал юный свин и затаптывал всю красоту. Он кидался в детей камнями, он пачкал чужую одежду, норовя вытереть об нее грязные руки. Он справлял нужду прямо на песок.

На корректные замечания мамаша не реагировала вообще. На возмущенные вопли отлаивалась, прижимая к себе сыночку и гладя гаденыша по голове. А если кто-то осмеливался отвесить деточке увесистый подзатыльник или хорошенечко отшлепает его, тетка немедленно бежала за поли-

цией.

Этой парочке Ника с Маем мстили особенно вдохновенно. Если в отношении Бригитты допускались вполне безобидные шалости, то в данном случае все методы партизанской войны шли в ход. Песок в глаза мальчишке, щипки, интенсивное отряхивание мокрой собаки рядом с пузаном – было все. Дать сдачи паршивец не решался, видя беззвучный оскал гигантского пса. Парень с ревом бежал к мамаше, та поначалу пыталась предъявить претензии мне, но я удивленно таращила глаза: «Фрау, вы в своем уме? Моей дочери всего восемь месяцев, она и ходить толком не умеет, ползает вон под присмотром собаки. Следите лучше за своим ребенком и не придумывайте ерунды!» Волоча за собой непринятые претензии, немка летела к полицейским, но те, увидев «обидчицу», больше на жалобы не реагировали вообще. И сынишка получал теперь по полной.

Надо ли говорить, что мою дочку и ее телохранителя обожал весь пляж?

Я опустила Нику на песок, разгрузила Мая, и малышка, вцепившись в друга, отправилась к Сяве, смешно загребая песок загорелыми ножками.

Мы с Сашей, расстелив махровую простыню, улеглись на нее и приготовились к ответственнейшему занятию – горячему копчению себя, любимых.

Я за эти восемь месяцев смогла наконец хорошенечко отдохнуть и набраться сил. Хотя иногда, скажу честно, хоте-

лось до поросячьего визга набраться чего-нибудь другого, и покрепче. Очень трудно выживать без Лешки…

На лицо упала и охнула тень, потом – несколько капель воды. Я открыла глаз и улыбнулась:

– Никуська, ты уже успела в воде повозиться?

– Папа!

– Что?! – я мгновенно села столбиком.

– Папа!

– Где?!

– Воть.

У Мая в зубах – журнал «Караван историй». На обложке – то, что осталось от Алексея Майорова. Ника показывает на изображение пальчиком:

– Папа. Плачет. Папа.

– Но… Как ты… Откуда… Славка, это ты ей показал?!!

Глава 11

– Что показал? – Слава, увлеченно что-то рассказывавший Бригитте, недоуменно оглянулся.

– Вот это! – Я выхватила из пасти Мая журнал.

– Нет, конечно, – парень нахмурился. – Что я, дятел тупой, что ли?

– А разве нет? – хихикнула Вика, не упустив возможности подколоть брата.

– Но тогда кто? Кто сказал Нике?! – Я чуть не плакала.

– Тетя Аня, честное слово, – посерьезневшая Вика вместе со Славкой подошли к нам, – ей никто ничего не показывал. Мы даже из сумки журнал не вытаскивали, Ника сама его умыкнула.

– Но зачем, почему?

Ребята лишь пожали плечами. А я, едва сдерживая слезы, смотрела, как моя девочка гладит изображение человека-растения и что-то бормочет.

Как она смогла узнать в этом безжизненном манекене отца? Я, разумеется, показывала ей фотографии Лешки, но те, прежние, на которых изображен веселый, умный, добрый и счастливый Алексей Майоров. Дочка обожает их рассматривать, а еще она любит слушать папины песни.

Но такого Алексея Майорова, каким он стал сейчас, ни я, ни остальные не показывали ей никогда. Зачем пугать кроху

видом одутловатого чужого лица, пустых глаз, перекошенного тела? Этот человек совершенно не походил на того папу, которого знала Ника, он вообще мало походил на человека.

Процесс реабилитации Алексея Майорова, проводимый в супердорогом закрытом санатории, проходил плохо. Если честно, он вообще никуда не проходил, а топтался на месте. За восемь месяцев улучшения не было. Первое время журналисты еще следили за тем, что происходит с суперзвездой отечественного шоу-бизнеса, но постепенно интерес к ничего не соображающему телу стал утихать. Ну сколько можно показывать радостно щебечущую Ирину, с упоением рассказывающую, что Алешенька уже сам ходит, что Алешенька занимается с логопедом, и пусть пока ничего не получается, но скоро он заговорит и даже запоет. А еще Алешенька теперь и шагу не может ступить без нее, без Ирины, стоит ей отлучиться по делам, и он места себе не находит, стоит у дверей и ждет. Совсем скоро, как только Алешенька научится говорить и писать, они поженятся и даже обвенчаются!

А на заднем плане маячил Алешенька, только что не пускающий слюни. Он иногда размахивал руками и мычал, словно пытался что-то сказать. Ирина оживлялась и «переводила» речи, используя это как доказательство прогресса в состоянии Майорова.

Всех друзей и знакомых Алексея Майорова из прошлой жизни Ирина постепенно выкинула из нынешней, изолировав его окончательно. И что происходит там на самом деле,

никто не знал.

В общем, суперзвезда российского шоу-бизнеса появлялся в новостях все реже и реже, его постепенно стали забывать. И вдруг – публикация в «Караване историй», одном из популярнейших глянцевых изданий! Интересно, кто за этим стоит, кто озадачился напоминанием о Майорове?

Но гораздо интереснее другое: как Ника смогла узнать своего отца в ЭТОМ? Почему она вытащила из сумки журнал?

Я взяла дочку на руки и попыталась забрать у нее журнал, чтобы посмотреть статью.

– Неть! – и Ника прижала трофей к груди. – Папа!

– Кто тебе сказал, что это папа? Кто показал журнал?

– Ника сама.

– Но откуда ты узнала?

– Папа звал.

– Кто звал? – я почувствовала, как волоски на руках встали дыбом. По спине, несмотря на августовскую жару, пробежал холодок.

– Папа, – дочка серьезно посмотрела мне в глаза. – Давно. Папа плачет.

– Никуська, ты что такое говоришь? – Слава присел перед нами на корточки. – Папа далеко, и он сейчас не может тебя позвать. Может, потом, позже.

– Неть, – малышка нахмурилась и упрямо выпятила подбородок. – Папа звал. Папа плачет. Папе больно. Ника помо-

гать. Мама ехать. К папе. Брать Нику.

Сердце остановилось, потом подпрыгнуло, упало и забилось в конвульсиях. Я даже не обратила внимания, что дочка заговорила фразами, пусть и короткими. Сумасшедшая, невозможная надежда захлестнула меня, не давая вздохнуть.

Не в силах произнести ни слова, я беспомощно посмотрела на Сашку. Но подругу тоже, видимо, слегка ошарашило. Неужели… неужели информация об индиго – не вымысел? И моя дочь может мысленно общаться с кем угодно? И Лешка вовсе не растение, он мыслит, он рвется, он… плачет?!!

– Тетя Аня, мама, вы чего? – Вика испуганно смотрела на нас. – Почему вы так побледнели? Это из-за того, что лопотала Ника? Да мало ли что она напридумывает, она же маленькая совсем!

Саша решила ничего пока не рассказывать детям о возможных способностях Ники, о том, что она – ребенок-индиго. И поэтому им, естественно, непонятна была столь бурная реакция теток на лепет малышки. Ну узнала она папашку, ну и что? Способная девчушка, сообразительная, радоваться надо, а они чуть в обморок не падают.

– Ничего, все в порядке, – Саша даже смогла улыбнуться, вот ведь молодец, чувствуется общая тренированность мышц, в том числе и лицевых. А мои вот совершенно хозяйку не слушаются, ведут себя, как им заблагорассудится, – вы идите к своим. Но к двум часам чтобы были дома, будем обедать. А мы пойдем сейчас, жарковато становится.

– Да ладно, мам, ничего не жарко, мы ведь с Никой и Маем еще не плавали! – заныл Славка. – С ними так прикольно! Ника, пойдем купаться? Без Бригитты! – раньше это был беспроигрышный аргумент.

– Неть! – ничего себе! – Ника домой. Ехать к папе. Папа плачет.

– Фантазерка, – усмехнулся парень, поднимаясь. – Ну, как хочешь. Иди домой, к своему папе.

– Ты что говоришь такое! – сестра толкнула его в бок.

– Подумаешь! Она же маленькая совсем, что она понимает!

– Побольше некоторых!

Беззлобно переругиваясь, Сашины дети отправились к своей компании. А мы быстренько свернули бивак, навьючили Мая и пошли домой. Я несла притихшую Нику, так и не выпустившую из ручек журнал.

Шли молча, говорить не хотелось. Да и вряд ли получилось бы, потому что лично у меня в голове нагло бесчинствовал полный сумбур. Вообразив себя тамбурмажором, сумбур размахивал оглоблей с пушистой пупочкой на одном из концов, пытаясь дирижировать неадекватными от потрясения мыслями. Результат был трагичен. Передвижением в пространстве тела с драгоценной ношей руководило теперь подсознание.

Но ничего, у нас с подсознанием все получилось, до виллы добрались без потерь. А там нас встретила фрау Мюллер, по-

пытавшаяся сразу же утащить Нику в ванную купаться. Первая попытка оказалась неудачной, дочка, обычно обожавшая плескаться, на этот раз отказывалась категорически, твердя одно: «К папе!»

Пришлось объяснить ей, что к папе ехать сразу не получится, тем более такой грязной! Подумав, малышка согласилась с аргументами и позволила себя унести. А поскольку с журналом купаться не очень удобно, источник волнений она доверила маме.

Оставалось только выгнать из головы сумбур и навести там порядок. Не могу сказать, что справилась с этим легко и непринужденно, но главное – справилась.

Саша, собиравшаяся поначалу читать журнал вместе со мной, посмотрев на меня, тяжело вздохнула и ушла к себе в комнату.

А я, оставшись одна, еще минут пять сидела, не решаясь открыть нужную статью. Дать себе на рефлексию побольше времени не имело смысла, скоро из ванной принесут розовую накупанную дочку, и в следующий раз я смогу уединиться лишь вечером, когда Ника заснет. Нет, не выдержу столько.

Восхищенная статья описывала явный прогресс в состоянии Майорова. Он, оказывается, уже может общаться, кивая или отрицательно качая головой в ответ на вопросы. О роли Ирины в жизни звезды тоже упоминалось, причем трактовалась эта роль не так однозначно, как раньше. Автор статьи

Константин Марский явно относился к мадам Гайдамак без особой симпатии. Но и откровенно обхаивать ее не стал. А еще было довольно много фотографий: Алексей Майоров на прогулке, Алексей Майоров обедает, а вот – прелестная семейная пара: напряженно выпрямившийся в кресле Алексей и Ирина, сидящая на ручке кресла и обнимающая любимого мужчину за плечи.

В статье говорилось, что поклонники суперзвезды российского шоу-бизнеса могут порадоваться за своего кумира – Алексей Майоров возвращается! И пусть он по-прежнему практически не разговаривает, но для нашего корреспондента он приготовил сюрприз, который, похоже, стал сюрпризом и для Ирины. Но об этом – в конце статьи. А пока посмотрите, как ловко Алексей управляется в спортзале!

На фото был крупный план Майорова, занимающегося на велотренажере. Сосредоточенное лицо, пустые глаза. Пустые?

Я поднесла журнал поближе. Наверное, я выдаю желаемое за действительное, а эта подмена всегда недолговечна. Ничего в них нет, они и на самом деле пустые. А бесконечное отчаяние и тоска мне почудились.

Так, что тут про сюрприз для читателей и Ирины? Ага, вот. После долгих занятий с логопедом Алексей выучил целых три слова и теперь произносит их четко и внятно. Конечно, выбор слов довольно необычен, но это очередное доказательство того, что Майоров возвращается. Он всегда был

эпатажным и непредсказуемым. Причем, судя по реакции Ирины, непредсказуемым даже для нее. Ее реакция, кстати, была довольно забавной.

В следующую секунду журнал выпал у меня из рук.

Три слова, всего три слова.

Зайцерыб, люблю, прости…

Часть II

Глава 12

Пустота была страшной. В ней не ощущалось конечности, не было верха, не было дна. Не было ничего, лишь неопределяемая душная тьма. Она колыхалась и утробно чавкала. И выпускала длинные липкие щупальца при малейшей попытке пошевелиться.

Но шевелиться по-любому не получалось. Боль обездвижила и туго спеленала, не позволяя ни одному движению вырваться на волю. Жуткий кокон был монолитным и гладким. И душа билась о стены кокона, металась в леденящей пустоте и выла, выла от ужаса, от безысходности, от отчаяния…

А брошенное на произвол судьбы тело Алексея Майорова, множеством проводов пристегнутое к системе жизнеобеспечения, из последних сил цеплялось за жизнь. Правда, сил осталось совсем мало, держать тело на грани бытия получалось все хуже, оно соскальзывало в бездну.

И в мгновение, когда едва тлеющая искорка жизни почти угасла, откуда-то издалека протянулась сияющая тонкая ниточка, нежно обволокла искру и не позволила ей исчезнуть. И искра неожиданно в первую очередь для себя самой вспыхнула, разгорелась, и победить ее теперь было довольно

трудно.

Постепенно уходила боль, жуткая пустота наполнялась звуками, запахами, у входа весело гомонили в ожидании своей очереди цвета.

Алексей возвращался. Но об этом знал только он сам. Для окружающих он по-прежнему находился в коме. Медицинские приборы фиксировали лишь улучшение физического состояния пациента, о восстановлении мозговой деятельности речи пока не шло. Эти приборы не могли уловить ни малейших изменений в этой области.

Алексей же все слышал, все понимал, но… тело отказалось подчиняться душе. Когда, в какой момент произошел разлад, Алексей не знал, впрочем, как и причину разлада. Но кокон, в котором задыхалась душа, оставался по-прежнему непроницаемым. Прозрачным и непроницаемым. Когда тело соизволило наконец покинуть кому и открыть глаза, Майоров смог в этом убедиться. Он теперь не только все слышал, но и все видел. И понимал. И не мог ничего сделать, не мог показать это врачам, считавшим его растением.

Когда Алексей впервые открыл глаза, первое, что он увидел, было лицо человека, которого он хотел видеть меньше всего. Лицо Ирины.

Она сидела у кровати и лениво перелистывала какой-то глянцевый журнал. Все это Майоров мог фиксировать лишь периферическим зрением, поскольку даже глаза ему не подчинялись. Они тупо таращились в потолок, мерно моргая,

чтобы не пересыхала слизистая оболочка. Тело, восстанавливаясь, строго следило за правильным функционированием.

Прошло, наверное, минут десять, прежде чем Ирина, мельком взглянув на опутанное проводами тело поверх журнала, не заметила широко открытые глаза.

– Алешенька! – она отбросила чтиво в сторону и наклонилась над телом. – Милый, ты очнулся! Алешенька!

Ирина с минуту вглядывалась в пустые глаза, затем, сняв с лица маску восторга и нежности, выпрямилась и с отвращением отшвырнула ее в угол. После чего, брезгливо передернув плечами, вытащила мобильный телефон и набрала номер:

– Алло. Это я. Ну что, он очнулся. Нет, не волнуйся. Все так, как и говорил его врач. Повреждения мозга необратимы, он – овощ. Да, милый. Действуем по плану. Не волнуйся, его денежки рано или поздно будут нашими, главное – терпение. Ну все, мне пора. Надо изображать ошалевшую от счастья женушку и бежать к врачу с радостной новостью. Целую, родной. Потерпи, мы скоро будем богатыми.

Женщина захлопнула телефон-раскладушку, спрятала его в сумочку, подняла с пола журнал и аккуратно положила на стол. После чего, секунду постояв у двери, выбежала в коридор, радостно голося:

– Петр Семенович, миленький! Оленька! Скорее сюда! Алешенька очнулся! Он открыл глаза! Господи, радость-то

какая!

Зевая и потягиваясь, поднялась суматоха. Задумчиво потопталась на вихляющихся в разные стороны ногах и зигзагами понеслась по коридорам, заполняя собой все помещения. Не прошло и пяти минут, как суматоха добралась до холла больницы, где дежурили скучающие журналисты. Замелькали вспышки фотокамер, затрещали, возбужденно таращась в рыла видеокамер, репортеры с телевизионных каналов.

После месячного пребывания в коме Алексей Майоров пришел в себя! Эксклюзивные подробности в наших следующих выпусках!

А у постели ньюсмейкера собрался консилиум во главе с Петром Семеновичем, лечащим врачом звездного пациента. Они уже проверили все реакции вернувшегося в реальность тела, и прогноз был отнюдь не оптимистичен. Точнее, препоганейший намечался прогнозик.

– Ну что, Петр Семенович, – комкая в руках платочек, Ирина с надеждой смотрела на мрачного эскулапа, – как он?

– Знаете, Ирочка, – доктор снял очки и принялся тщательно протирать и без того идеально прозрачные стекла, – как бы вам сказать…

– Говорите правду, я ко всему готова.

– Если вы помните, я вам сразу после операции говорил, что мозг поврежден очень сильно, и полное его восстановление весьма сомнительно. Так вот, похоже, мой печальный прогноз подтверждается.

– И… И он никогда не будет прежним?! – Ирина прижала дрожащие пальцы к губам и с отчаянием оглянулась на тело Майорова.

– Боюсь, что да. Двигательные функции, безусловно, восстановятся, но все остальное… Длительные упорные занятия с логопедом, с реабилитологом, с психологом, тренером, месяцы выматывающего труда, и в результате максимум, чего вы добьетесь, – уровня развития трех-пятилетнего ребенка. Вы готовы к этому?

– Да! – Ирина, не замечая слез, ручьями бегущих по щекам, благодарно улыбнулась. – Спасибо вам огромное, Петр Семенович! Спасибо!

– Ну что вы, – доктор с уважением посмотрел на женщину, – это вам спасибо.

– Мне?! Но за что же?

– За то, что не отказываетесь от него, несмотря на практически безнадежное в житейском плане состояние. За то, что готовы бороться.

– Но как же иначе? – Ирина с недоумением посмотрела на врача. – Ведь я люблю его! И буду рядом до тех пор, пока буду ему нужна!

Надо ли говорить, что эти слова на следующий день были на страницах сотни печатных изданий? А фотографии измученного, заплаканного женского лица не сходили со страниц этих изданий? Ирину приглашали на всевозможные токшоу, ей аплодировали, шумно сморкаясь в платки размером

со скатерть, растроганные тетки в студиях.

И право Ирины Гайдамак быть рядом с Алексеем Майоровым больше не оспаривалось никем. Все попытки друзей и знакомых Алексея пробиться к пациенту были безуспешными. Вернее, поначалу их пускали, но там всегда была Ирина, державшая за руку безвольное тело. Общаться с Майоровым не получалось по причине полной выключенности его сознания. Ирина особо на контакт не шла, ограничиваясь коротким «да» или «нет».

Затем она, сославшись на слабость Алексея, попросила лечащего врача не утомлять пациента частыми посещениями, и друзей перестали пускать вообще. Конечно, генерал Левандовский мог бы добиться отмены этого распоряжения, но он не видел смысла. Зачем? Алексей все равно ничего не понимает, никого не узнает.

А Алексей узнавал. И понимал. И пытался достучаться, докричаться из своего кокона. Но у него ничего не получалось…

От отчаяния не хотелось жить. Единственный человек, который был ему нужен сейчас, необходим как воздух, не желал ничего знать о Майорове. Анна не появилась в больнице ни разу. И удивляться было нечему. И обижаться было не на что. За что боролся, на то и напоролся.

Он ждал, царапая от нетерпения стенки своей одиночки, когда же навещавшие его поначалу друзья хоть что-нибудь скажут о зайцерыбе, хоть намекнут, что ли. Но рядом всегда

торчала ненавистная Ирина, а в ее присутствии говорить об Анне никто не собирался.

Потом друзья перестали приходить вообще, и возле Алексея осталась только Ирина.

И желание уйти из жизни, сдохнуть наконец, стало просто невыносимым. Потому что невыносимой была сама жизнь. Вернее, не жизнь, а существование, растительное существование.

Но даже покончить с собой Майоров не мог. Как?! Как можно это сделать, когда тело живет своей собственной жизнью, исправно функционируя. И заставить его, к примеру, отказаться есть невозможно по двум причинам: во-первых, само тело ни за что не подчинится приказу на уничтожение, а во-вторых, его в любом случае кормили бы насильно, через шланг.

Другие способы уйти из жизни тем более не были подвластны. И запертая в одиночке кокона душа, поначалу метавшаяся и бившаяся о стены до крови, теперь апатично лежала на полу, свернувшись в клубочек. Выхода не было. Ты заслужил это, предав свою любовь, предав самое себя. Так тебе и надо.

А тело тем временем оживало все больше и больше. Оно уже в состоянии было не только сидеть, но и ходить. Пусть медленно, неуверенно, но совершенно самостоятельно. А еще оно с удовольствием, пусть и несколько неопрятно, ело. Вернее, жрало, понемногу жирея. Сохранило основные на-

выки гигиены, но душ принимать тело не очень любило, хотя раньше эта процедура была ежедневной.

Ирину же вполне устраивало нынешнее положение вещей. Алексей сам ел, сам себя обслуживал, передвигался тоже самостоятельно. А главное – был полностью ей подконтролен. Он послушно, словно робот, выполнял все распоряжения своей жены. Ирина позиционировала себя теперь только так, тем более что Алексей и не думал возражать. А если и думал, то там, в одиночке, откуда голос не долетал. Неподвластное же тело говорить категорически отказывалось. И подчинялось почему-то только приказам Ирины, брошенной собачонкой сидя у двери, когда «жена» куда-нибудь уходила.

И Ирина теперь чувствовала себя в присутствии Алексея Майорова совершенно свободно. Она, не стесняясь, звонила своему сообщнику, обсуждая дальнейшие планы.

А в дальнейшие планы входило только одно – срочно забеременеть от Алексея, причем обязательно от него, дабы любая генетическая экспертиза подтвердила отцовство Алексея Майорова и, соответственно, право наследования ребенком всего состояния и имущества упомянутого Алексея Майорова после его смерти.

Разумеется, последующая смерть Алексея была запланирована сообщниками. Зачем им эта обуза пожизненно? Но только после выполнения им основной задачи.

Как же злилась Ирина теперь на свою дурацкую поспешность! Не сделай она тогда аборт, сейчас не пришлось бы

ждать, пока осточертевший ей Алексей Майоров сможет восстановиться до такой степени, чтобы вернуть способность к детопроизводству.

Глава 13

Выписка Алексея Майорова из больницы была назначена на восемнадцатое декабря. Ирина позаботилась о том, чтобы об этом событии узнали все желающие. А желающих было много, интерес к событиям вокруг одного из самых заметных персонажей российского шоу-бизнеса пока еще не зачах. Полноценный такой был интерес, упитанный, умело подогретый.

И утром восемнадцатого декабря, когда Алексей, сидящий в кресле-каталке, был вывезен на крыльцо больничного корпуса, он едва не ослеп от вспышек фотокамер. Хорошо, кто-то (впрочем, почему «кто-то», Ирина, больше некому) сообразил выставить милицейское оцепление, оставляющее свободным пространство от крыльца до автомобиля. Иначе толпа журналистов, телерепортеров, а также фанатов Алексея Майорова просто затоптала бы немощного кумира. И так над головами милиционеров тянулись в сторону искомого объекта меховые помпоны микрофонов, насаженные на длинные штыри. До Алексея долетали сиплые выкрики, похожие на карканье ворон:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.